

18+

Алексей Иванов

Книга Жизни

Как обрести святость

Алексей Иванов

**Книга Жизни. Как
обрести святость**

«Издательские решения»

Иванов А.

Книга Жизни. Как обрести святость / А. Иванов —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта
книга о том, как обстоятельства моей жизни вынудили меня стать святым.
Как я потерял свою святость, не понимая того, что это такое и зачем всё это?
И как год спустя снова обрёл святость, но уже понимая о том, что же со мной
и со всем этим миром происходит. Все персонажи выдуманы, все совпадения
случайны.

© Иванов А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	41
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	51
Глава 11	54
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Книга Жизни Как обрести святость

Алексей Иванов

© Алексей Иванов, 2026

ISBN 978-5-0070-3824-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

С размаху прошлое топор вонзает
В затылок уходящих дней.
Теперь я только усмехаюсь,
Когда подумаю о ней.
Не там, где я, а там, где — мы,
Ещё снега смеялись во всё горло,
Не ведая весны.
С тех пор прошло немало лет,
Лет пять, как пальцев в рукавике,
В которой нет твоей руки,
Дыханьем гретой по привычке.
В «Дано» был вечер, ветер, снег
Фатой спадал тебе на плечи.
В «Условии» была любовь,
С печатью в паспорте — в «Ответе».
Так в предвкушении дальних нег
«В семью», порой, играют дети.
«На свадьбе будет хорошо!
Мать обо всём договорилась!»
И сердце розой расцвело,
Пока ты это говорила.
Но за неделю перед свадьбой
Гигантским «Каменным Цветком» застыло.
Я помню, нёс тебе букет.
Восьмое марта, милый праздник.
Но я не ведал, что уже
Закрыт твоей души заказник.
Ты лишь сказала: «Ты — в опале».
День плавал в водке. Ночь — в слезах.
Мы не расстанемся друзьями,
Как обещала ты, смеясь.
Но лишь — в печали.

Эта драма сделала Алёшу очень печальным. Печальным и безразличным к своей судьбе. Душистый червь сказочного воздушно-трансового настроения полз из минуты в минуту, из часа в час... Даже не столько полз, сколько слоился чешуйками в тесном пространстве времени, мучительно медленно отслаивая день за днем, час за часом, минута за минутой. Что, отслоившись, долго-долго падали на дно ущелья жизни и разбивались там на мелкие незначительные события. К этому даже привыкаешь. И оно теряет свою навязчивость и становится привычным концом этой нелепости, которую попугайно именуют: «жизнь».

Зачем её дали? Кто просил? В те ли руки она попала?

Ведь кем богатырь Алёша был на самом деле? Так сказать, изначально?

Я с самого детства чужое
Тело таскал непривычно большое.
В дождь листва мне шепчет свои сны.

Я больной ребенок тишины.

Жить стало ни к чему, а умирать — тупо. Но это не было поводом к тому, чтобы себя ненавидеть. Алёше стало уже абсолютно всё равно.

Потому что его транс, в который Алёша впал как в некую эмоциональную кому, был настолько, сам по себе, прекрасен, что Сирина выступала здесь лишь поводом к тому, чтобы он впервые смог ощутить всю прелесть и глубину своей богатырской души.

Я входил в оранжерею, как во храм.
В ней посмел заговорить бы только хам.
Заходя, здоровался я с листом,
И розинка вдруг прощалась с лепестком.
К нам пришла сегодня гостя. Звонкий смех!
Двадцать один год девчонке — первый снег.
Живо трогает, смеётся, лепестки.
И ожили странным светом цветники.
Чуткий голос. И срезает, как цветы,
Все святыни в саде зимнем Красоты.
Лишь когда ушла, я понял: стёрт мой храм.
Нет дорог в оранжерею, к *тем* цветам.

Ведь в глубине души Алёши, на задворках этой оранжереи сидел Творец и, в отличие от него, прекрасно осознавал, что Сирина, в сущности, ничем не отличается от других.

«Поступки других актуальны для тебя только в той мере, в какой они захватывают корвет твоего воображения и берут командование твоей экспедицией на себя, задавая тебе свой курс поведения и проецируя на горизонте „Остров сокровищ“, — объяснял ему Творец. — Поэтому, пока ты не станешь обращать своё внимание на себя, на свои действия, вместо того чтобы увлекаться течением своих мыслей и чувств, так как только целенаправленное действие и может обладать смыслом, ты отдан произволом своего внимания на растерзание тысячам подражаний. Особенно, тем идеальным образам, которыми заполонило твоё подсознание искусство и буквально проштамповало твоё восприятие, заставляя тебя смотреть на мир через их призму. Рисуя Сиригу как одну из главных героинь твоего романа. Не иначе как которым ты именуешь свой зимний поход в чащу событий за валежником ситуаций. И которая навсегда заблудилась для тебя в этом волшебном пока ещё лесу. Где все прочие — это разношёрстные, но от этого не менее дикие звери, непонятно как научившиеся говорить с тобой на одном, ставшем общим для вас через совместные действия, языке. Действия, по самой твоей природе изначально тебе чуждые. Непонятно как Сирина тогда ожила, и ты внезапно увидел перед собой нимфу. Тогда как она всегда стремилась только к одному — стать точно таким же животным, как и все остальные. И с каждым днём буквально дичала у тебя на глазах. Пока она окончательно не одичала, и её дикость не вырвала её у тебя из рук!»

Но это выступление Сирины на сцене минувших событий до сих пор настолько сильно его захватывало, что Алёша и не думал всерьёз подпускать к себе Творца, этого «трепанатора любви», как он его называл. Предпочитая ему общение с океаном.

Нищ и гол. И он ушел
Туда, где скалы рвёт вода.
Где беспокойная орда
Не выжгла своего следа.
Там чайки стон в дыханьи волн,

Там будто жил морской дракон...
Ушел. И среди серых скал
Свободы ветра он искал.
Напел ему свирепый бриз
Ритм танца с веерами брызг,
Чтоб он ушел от всех в те каменные дали.
Лишь чайки иногда,
Да полная луна
Его меж волн и скал танцующим видали.

Ведь океан всегда понимал Алёшу гораздо лучше и полнее. Намного глубиннее, чем даже он сам. Объяснявший, отдавая Алёше разбивающейся о камни волной лицо и шею крупнокалиберной свежестью, что само это состояние отрешенности от мира нужно беречь, как зеницу ока:

— Вся эта драма была разыграна, как по нотам, на подмостках твоей социальной жизни именно для того, чтобы ты отвернулся от мира и как можно полнее в это самое состояние погрузился. Потому что данное состояние является базовым для твоего дальнейшего становления!

— Утонув в океане этой пустоты?

— Именно это состояние глубинного разочарования в себе и во всём этом — вдруг нелепом к тебе — мире и является туристической базой у подножья горы Меру, где ты получаешь экипировку альпиниста. Ведь Будда достиг этого состояния только после того, как обошёл всех Учителей в округе, но так толком-то ничему у них и не научился. Кроме как зарабатывать на жизнь за счет тех, кто наивно развесил уши. И только после того, как Будда полностью выбился из сил по дороге к очередному Учителю, да так что чуть не упал в ручей. И наконец-то целиком и полностью разочаровался достичь чего бы то ни было вовне. Вдруг, неожиданно для самого себя, провалился вовнутрь своей же сущности. И... понял смысл поговорки: «Всё хорошо в Меру!» То есть то, почему греки считали, что боги живут на Олимпе. Послушав своих поэтов, для которых гора служила метафорой твоей высшей сущности. Так же как и многое-многое другое. И громко рассмеялся! Впервые нащупав тропу ко «Второму солнцу». Внутри каждого.

Но Алёша был всё ещё одержим предлагаемой ему учеными (котами) реальностью и рассматривал данное состояние в духе современных ему идей — как прострацию. То есть как следствие охватившего его несчастья, с которым априори нужно бороться.

До тех пор, пока его транс наконец-то не выдохся. И океан не сумел-таки объяснить ему, что в случившейся драме виноват не он, не Алёша, а всецело один Банан и его непристойное поведением с Иридой. Но отдуваться и мучить себя совестью будет только Алёша. Потому что пока связь Банана и Сиринги танцевала ими в своей чарующей длительности, Алёша был тому нужен. А теперь нет. Так как сердце — пусковой механизм, используемый телом для создания у нас тех или иных поведенческих установок. Обогащающий «горючую смесь» установки кислородом чувств, окрашивая её в неистовые тона. Дабы мы не смогли сдержать сквозной напор чувств доводами рассудка. И что если Банан до сих пор и со-настроен с Алёшей, то есть и продолжает себя наивно мучить, наслаждаясь образом великомученика, то только лишь потому, что сам Алёша подстрекает его к этому своим больным до женской плоти воображением. Находя её — прекрасной! Рассматривая её лишь как повод для того поэтического бреда, которым он насквозь пропитан. Воображая и отношения с женщинами как нечто возвышенное. А не как нечто сугубо утилитарное, как рассматривают это сами женщины.

Не понимая ещё, что отношения с женщиной есть нечто волшебное и иррациональное ровно до тех пор, пока ты её интересуешь. И нечто животное и рациональное, когда ты уже не в силах её заинтересовать. В попытке хоть как-то обосновать для себя вашу всё ещё длящуюся,

по инерции, связь. То есть — мина замедленного действия, которую ты сам же и активируешь, как только признаёшься ей в любви (произнося имя этого «Господа» всуе).

И Парвати, видя его угнетённое состояние, предложила Алёше утешить себя в объятиях не менее прекрасной Прозерпины, которую его мать и Церера обе готовили ему ещё с детства — на медленном огне их дружбы. Сердце которой внезапно тоже оказалось вакантным. Заставив Алёшу и Прозерпину задумчиво оглянуться в прошлое, вспоминая друг друга сквозь толщу лет, как сквозь двояковыпуклую линзу. Показывающую им любой их незначительный поступок в детстве — сейчас таким огромным и исполненным глубокого смысла.

Но он отказался принимать участие в её «Таврийских играх», так как всё ещё зализывал раны после брачных игр с Сирингой.

Наконец-то поняв то, к чему Сирингу подвели роковые события её жизни. Наблюдая в слепом кино воспоминаний заново её сцену плача в объятиях своей матери. Ведь выходило, что Сиринга просто-напросто опасалась от него снова забеременеть. По крайней мере до тех пор, пока окончательно не разрешится вопрос со свадьбой. И лишь тогда ей уже никогда не придется вновь «проходить по кругу ада» избавления от ребёнка. В этом-то и была причина того, что Сиринга всем, включая и его самого, так долго отказывала. А не в том, что она изначально была какой-то там недотрогой, какой он Сирингу — через её упорные отказы — тогда наивно и воспринимал. На первый взгляд. Который у него за тот период благополучно сформировался, подсовывая её неврозу в его воображении самые возвышенные и зазеркальные контексты. Охотно веря в то, что она — самое светлое, чистое и возвышенное, что когда-либо было в его жизни!

Ведь то, какой он тогда Сирингу наивно воспринимал, танцевавшей на площадке всеобщего восхищения перед его опьяненным от её красоты и недоступности взором белые танцы в «Гаризонте», и превращало его жизнь в самую настоящую сказку. А его самого в её главного героя — Прекрасного принца его Прекрасной принцессы, которую их предстоящая свадьба должна была самым волшебным образом превратить в настоящую королеву его грёз! Заставляя тогда ценить в сто карат каждые (невольно наворачивающиеся теперь на глаза) мгновения.

А не как «Хозяйку Медной горы»¹, как оно оказалось на самом деле.

Я небоскрёб себе воздвиг в заснеженной пустыне,
Чтобы никто не видел и не знал,
Как отравляют, разъедая, льдины.
И жёлтым саваном кровоточит дурман.
Извечного стальной апофеоз
В расколотую мраморность иллюзий!
О, мир, ты больше мне не нужен,
Я несказанно сам в себе возрос!
Я пустоту возвёл в квадрат,
А вечность в куб возвёл
И выгромил за кубом куб
Свой лучезарный дом.
И с этой высоты — внизу
Скрежещет небо, вмиг светлея.
Мой голос — грохот тех высот,
Где Зевс грозой меня развеял.

¹ П. Бажов, «Хозяйка Медной горы».

Аппетит пропал. Так что Парвати приходилось буквально уговаривать Алёшу вылезти из кресла, в котором он просто сидел, бессмысленно уставившись в одну точку, и поест хоть немного пищи.

И Алёша долго не мог поверить Творцу, что Сирина не нимфа вовсе, а простая менада, вокруг которой в «Гаризонте» столь иступлённо вились сатиры только из-за того, что у неё в тот день была течка. Что так запросто могла позволить себе играть его судьбой, то подпуская его к себе и прикармливая, то внезапно резко от себя отбрасывая, как нашкодившую собачонку, обливая кипятком своей накопившейся к бывшему парню ревности. Только из-за того, что она со своим бывшим, якобы, намучалась. И уже не собирается мучить себя с Алёшей снова.

Хотя, казалось бы, при чём тут ты? Ан, нет! Сиди и расхлёбывай её кармическую кашу прямо из её головы. Пока ты невольно заземляешь на себя все попытки этого «Йорика» компенсироваться и отплатить тебе за всё то зло, что уже успела причинить ей жизнь, изуродовав её восприятие. Только за то, что эта раззява слишком широко «на чужой кусок раззявила свой роток»² — на слишком крупную дичь! И подавилась, не сумев её проглотить. Так что врачам пришлось из неё эту дичь через пять месяцев буквально вытаскивать. Чтобы она не погибла на социальном дне как мать-одиночка, презирая себя и своё дико орущее чадо на весь этот ставший внезапно несправедливым мир. Только из-за того, что Сирина столь легкомысленно впала в очарование этим самым миром, вдруг повернувшись к ней голым за дом, из-за угла выглядывая и корча рожи.

И ладно бы ей попался какой-нибудь, там, сатир. Но играть в свои кармические игры с богатырём не просто легкомысленно, но и — прежде всего — опасно! Ведь такие, как Алёша Попович, могут покончить с тобой одним ударом! Росчерком пера! Убив на месте морально, как и завещал Остап Бендер. В каком-нибудь фельетоне. Банально высмеяв твой мещанский склад ума с меркантильным кладовщиком, доводящим меж запылённых стеллажей уже давно просроченных ценностей до полнейшей фрустрации (подобно сценке на ночном пляже)³. Или — наследственный алкоголизм, публично достающий один за другим твои скелеты из шкафа в пыльном углу души и выставлявший их открыто перед всеми, словно бы на распродажу (подобно «королевской» сценке на Астафьева)⁴. Но даже — одной небрежно поставленной запятой, как в знаменитой фразе: «Казнить нельзя помиловать»

И Алёша долго раздумывал, всё никак не решаясь поставить в её жизни верную запятую. Но в конце концов милостиво решил не лишать её свободы выбора: «Пусть я останусь в веках как Алёша-милосердный, а не как вульгарный Банан!» — с усмешкой решил он обустроить всё именно таким образом, чтобы Сирина сама определилась, стоит ли ей жить после того, как все узнают о ней правду из его книги «Сиринга». И если стоит, то...

Но о том, куда она поставила запятую экзистенциального выбора, вы, конечно же, узнаете уже в другой книге. И невольно посочувствовав бедолаге. Решив для себя быть с парнями более осторожной. Особенно с теми, у кого непонятно пока ещё почему, но уже столь завышенная самооценка!

(Смех в зале)

Ведь в жизни мы только и делаем, что гоняем туда-сюда эту запятую, как неприкаемую. Совершая то один, то другой моральный выбор, расцветивая свой кристально чистый внутренний мир то тёмными, то самыми радужными красками и полутонами. Пытаясь судорожно прояснить для себя одну и ту же, на первый взгляд, ситуацию. Или же, в силу сложившихся обстоятельств, вновь затемняя её для себя и обезличивая. Совершаем эту (бытовую, на первый

² Пословица: «На чужой кусок не разевай роток!»

³ См. мою книгу «Сиринга».

⁴ Там же.

взгляд) магию! Ни секунды над этим не задумываясь. И чем меньше мы над этим думаем, тем охотнее мы отдаем это на откуп тем, кто делает это вместо нас самих. Лишь недоумевая от того, почему же наш внутренний (а вслед за ним и жизненный) мир внезапно стал столь примитивен и неоправданно жесток? Добровольно поливая цветок своей души ядовито-чёрными красками оценок жизненных ситуаций. В отличие от того фантастически прекрасного и чистого мира, в котором мы все до единого когда-то жили в детстве, с радостью принимая всё как есть. «В котором я уже опять живу, после Пробуждения, — улыбнулся Алёша. — В мире Тотального Принятия. И не просто пассивно жду тут всех желающих, но и, задрвав высоко над головой свой хобот, трублю громогласно: «Сбор!»

Настало время пробуждения от спячки:

— Так быть, или уже — не быть? — спрашивал Алёша у Гамлета.

— И если быть, то — с кем?! — подхватывал Банан его инициативу и передавая пас... в неизвестном направлении.

Потому что Творец даже не удостоивал их вниманием. Видя, как Банан, не желая ничего понимать, уже нервничал и метался с членом наперевес, от всей души снова желая стать всадником. Предвкушая в этом нечто романтическое! Как грезил Алёша. Но мир предлагал такой широкий спектр всевозможных антител, что Творец, который в отличие от них всегда уже был — здесь и теперь (как ставшестъ), наткнувшись на жилу свободного времени, начал разработку полезных ископаемых из книг. Чтобы стать ещё богаче и конкретней, как и любой интроверт. Лишь сдерживая в себе, с усмешкой, бесконечные порывы и позывы куда-нибудь сорваться. Искоса наблюдая, как Банан метался по полю сублимации, снимая с себя лезвием разума такие душистые пласты воображения, от полиморфных арабесок которого у нормального человека крыша давно бы уже улетела в тёплые края.

Но Банан знал, что у подвижного человека крыша все время ездит туда-сюда. И это единственный способ почувствовать, что она ещё на месте! Потому что Творец, как истинный подвижник, знал гораздо больше и, по счастью, они находились в одном физическом теле. Лишь метафизически дробясь на «святую» троицу: Отца — Творец, Сына — Банана и Святого Духа — Алёшу, пока ещё, правда, и не мечтавшего о святости. Поэтому Банан любил тогда притворяться Творцом, а не этим правильником. Хотя Творец и говорил ему, что это — практически — невозможно. Так как экстраверт-сенсорик Банан не может быть ни интровертом-логиком Творцом, ни экстравертом-этиком Алёшей. Но как вещал Иннокентий Анненский: «Но люблю лишь одно — невозможно».⁵ А Банан любил подражать, такая у него была работа — наследие чужих престолов.

⁵ И. Анненский, «Невозможно».

Глава 2

На день рождения Парвати в гости явилась Гармония. Хрупкая, удивительно красивая богиня с прожигающими всё и вся серо-голубыми глазами. Дочь которой Семела ещё не вполне расцвела, а потому и не явилась на праздник. Как и всякая золушка, ожидая дома «своего часа». Уже устав бить в грязь лицом в обществе по сравнению с красотой лица своей матери.

И не подозревая о том, что Алёша уже настолько сник, что рад был бы и золушке с её избитыми о грязь устами. Сожалея о том, что Семела не явилась на приём, не дав ему и шанса обучить её искусству становления подлинной принцессой — в глазах мужчин. За считанные дни, как и Поликсену.

Ведь Семела была младше Алёши всего на год. То есть её прекрасные уста были уже «вполне готовые для спелого страдания»⁶, как любил шутить над девушками Иннокентий Анненский, читая вслух им свои прекрасные стихи. Тут же избавляясь от них, как только поклонница начинала претендовать на нечто большее, чем просто вечер поэзии в саду. В своих золотых кольцах и серьгах, призванных компенсировать отсутствие таланта, откровенно напоминая поэту «раззолоченные, но чахлые сады с соблазном пурпура на медленных недугах» — болезненного румянца на щеках, призванного соблазнить поэта, когда очередного «солнца поздний пыл в его коротких дугах» становился уже «невластный вылиться в душистые плоды» немого восхищения.

О, как же была права Ахматова, называя Анненского «отцом русской поэзии серебряного века», которым он становился на несколько долгих дней для любой начинающей поэтессы. Обучая «тех, которые уж лотоса вкусили» буквально парить над его источником вдохновения столь же трепетно, как однажды «мягко плавала пчела»⁷ той, что стала для нас теперь живым воплощением совершенства! Если верить дочери Цветаевой: «Ахматова — само совершенство! И в этом её предел».

Хотя Алёша ещё до армии проштудировал всё творчество Ахматовой и долго не мог понять: в чем же именно оно заключается? О чём намекала нам, с места событий, дочь её подруги?

Поняв это только после армии. Хотя Поликсена воспринимала обучение прекрасному тогда как данность, пока Алёша читал ей вслух свои стихи, обучая глубокому чувству ритма. И побуждая относиться к поэзии со всей душой. Столь же возвышенно, трепетно и нежно, какой была в жизни мужчин сама Ахматова.

Алёша спросил мать:

— Для чего ты пригласила Гармонию?

Но та лишь ответила:

— Что было, то прошло! А мы же, как-никак, работали раньше в одном саду детей. Я — воспитателем, а Гармония — методистом. Но потом судьба разметала нас по Находке. Я развелась с твоим отцом. И теперь бояться нечего!

Но ближе к кульминации празднования его отчим Дакша подвыпил и принялся навязывать ухаживать за приглашенной дамой, чуть ли не разбиваясь прямо за столом в лепешку, предугадывая малейшие желания Гармонии. Прозревая в ней даму своего сердца. То отодвигал ей стул, красноречиво глядя на Гармонию восторженными глазами, то пододвигал обратно. То наливал ей вина, расхваливая при этом его вкусовые качества. Подчеркивая то, что данный сорт винограда рос прямо у него в посёлке. И он с детства всегда любил именно его, разли-

⁶ Здесь и далее И. Анненский, «Сентябрь».

⁷ А. Ахматова, «Я пришла сюда, бездельница».

чая уже тогда по вкусу от остальных сортов, где бы он его по всему их Краснодарскому краю не встречал, чтобы дарить друзьям. И начинал их сорт за сортом с наслаждением описывать. Поясняя, чем именно белые сорта винограда отличаются по вкусовым нюансам друг от друга. Столь же интеллигентные, как у неё, «пальчиковые» — от более крупных виноградин, как у Парвати, а розовые — от тёмно красных. И всё пытался поцеловать ей руку, ощутив губами сладость её «пальчиков». Описывая ей и те сорта вина, которые ему уже немногим позже, как он подрос, удавалось попробовать. Подробно указывая то, где именно и при каких забавных после этого обстоятельствах. И протягивал ей бокал, держа его в воздухе ровно до тех пор, пока Гармония не брала бокал из его руки. Незаметно её касаясь. Постоянно гоня Парвати на кухню, чтобы подложить ещё что-нибудь эдакого в тарелку «столь дорогой гостии!»

Короче, напился, и его понесло. На всех парусах!

А когда Гармония решила уже отчалить, Дакша стал подавать ей верхнюю одежду, держа её лёгкое весеннее пальто одними кончиками пальцев. Рассыпавшись по полу шумным бисером комплиментов. Словно внезапно порванное её резким уходом ожерелье, что он столь тщательно нанизывал, улыбка за улыбкой, на связующую их радужную нить общения, которую она столь вероломно обрывала, убегая от него во тьму. Пеня на то, что Семела с детства не выносит оставаться одна в тёмных кошмарах ночного города. И всё пытался обуть ей сапоги, чуть не вырвав ей металлическую молнию от излишнего усердия. Всячески выказывая ей своё расположение на диване блаженства расширенными от восторга и собачьей преданности глазами.

Парвати, естественно, рефлекторно и его к Гармонии приревновала, но делала вид, что ничего не происходит. Нельзя же, как люди, проявлять свои эмоции? Тем более — раньше времени.

Как будто бы есть ещё какое-то время, кроме этого. Где муж ей уже открыто изменял — в пространстве возможного.

И Алёша, заметивший это состояние матери и невольно проникшись к ней сочувствием, на следующий день спросил у Дакши:

— Почему ты вчера вёл себя, как свинья?

На что тот с понимающей лукавой усмешкой ответил, что лишь притворялся. Специально делая вид, что пытался соблазнить Гармонию. На глазах у всех!

— Ты разве не понял этого? — в недоумении вскинул он брови. — Как философ, ты просто должен был это сразу же понять!

Отсутствие мозгов Дакша компенсировал стопроцентной памятью и стереотипами поведения, перенятыми у других. Алёша же, пока не поймёт, ничего не мог запомнить. Поэтому просто вынужден был мыслить! И чем глубже, тем лучше. Он себя вёл. А как только снова тупел, превращался в иррационального Банана. Поэтому у него не было выбора, кроме как постоянно наращивать свой потенциал, сидя за книгами. Самыми «мощными» из которых были книги по философии. Читая которые непрерывно пару недель подряд он физически ощущал, как его организм ощутимо меняется в умника — Творца.

— Но — для чего? — не понял Алёша. — Ты ведь заранее знал, что у тебя ничего не выйдет?

— Ты не понимаешь, — усмехнулся Дакша, — этому научил меня мой отец. И признался мне в этом, когда я и сам застал его в подобной же ситуации. Попытавшись пригвоздить его к стене клинком вывода. И он с усмешкой объяснил мне, отводя удар, что этому научил его один немецкий офицер, когда он был в плену во время Второй мировой войны и вынужденно работал на них поваром. Ведь в школах тогда, после Первой и готовясь ко Второй мировой, преподавали немецкий. А он был тогда ещё совсем молодой, почти школьник, и мог легко понимать их запросы. Но немцы постоянно были им недовольны. Ни его кухней, ни тем, как он подносил им еду. Ни тем, как он их обслуживал, подавая столовые приборы. Ни тем, как

он убирал после них со стола. Как ни старался. И поначалу отец воспринимал это как чванливость захватчиков, относившихся к своим рабам свысока. Но постепенно он вошёл к ним в доверие и стал замечать, что офицеры воспринимают его уже, как своего. Но как только дело касалось его работы, они тут же меняли свой тон и отношение. И отец не мог понять, в чем причина: «Может быть, я вас чем-то обидел?» Но как только заканчивался прием пищи, взаимоотношения восстанавливались. Тут же! И он терялся в догадках. И однажды, после какого-то банкета, когда все гости уже ушли, один офицер выпил так много, что разоткровенничался и объяснил отцу, убравшему со стола: «Нужно постоянно делать вид, что ты всё время чем-то недоволен: ни внешним видом своей супруги, ни той пищей, которую она тебе готовит, как бы тебя ни подмывало ей в этом признаться и рассыпаться в комплиментах и благодарностях. Но постоянно над ней подтрунивать! Заставляя её как можно чаще тебя ко всем ревновать. Чтобы жена осознавала, что она ещё далеко не фрейлина — её же собственного величества! Иначе она тут же перестанет для тебя стараться. Типа, покорила тебя. И лапки свесит. Да ещё и начнёт относиться к тебе свысока и станет позорить перед подругами! Тут уж, хочешь-не-хочешь, но надо выбирать, кто из вас главный: либо ты, либо она. Но лучше уж это будешь ты! Тем более что ты тут за всё это платишь. Так почему бы и нет? И нужно не просто считать себя главным, но постоянно ей это демонстрировать. Хочешь ты этого или нет. Чтобы она постоянно доказывала тебе, что ты неправ! Но уже не словами, ведь говорить может каждый, а конкретными делами и благородными поступками. Как и подобает истинной фрейлине её императорского величества! И тогда и ты, хочешь тебе того или нет, должен будешь ей соответствовать. И постоянно держать себя в узде! Чтобы не дать ей даже малейшего повода тут же втоптать тебя в грязь — твоих проступков! Вот поэтому-то и к тебе у нас подобное же отношение. Ничего не поделаешь, сила привычки. И я хочу, чтобы ты не принимал это на свой счёт. Мы и друг друга так тираним. Но только — в рабочей обстановке. Для пользы дела. И все это прекрасно понимают. И ведут себя соответственно. Их статусу. А вечером мы снова — закадычные друзья! Только поэтому Германии и удалось победить эти мягкотелые народы, что они, в отличие от нас, не понимают самой сути социальных взаимодействий, которую открыл для нас ни кто иной, как гениальнейший социолог всех времен и народов Макс Вебер! Благодаря которому можно превратить любого шалопая, даже такого как ты, в истинного арийца! Лучше уж погибнуть на полях сражений, чем под каблуком у своей жены! Поэтому мы и переносим сражение прямо на кухню! Даже в спальне не давая себе расслабиться и потерять лицо! Ты всё понял?!» И отец всё понял. И по окончании войны вернулся домой и постоянно сражался с моей матерью. А теперь я — с тобой.

— Чтобы не получилось, как у меня с Сирингой, — вздохнул Алёша, вспомнив, как та перед соседкой открыто, скорчив нос, называла его говняшкой.

— И вчера я делал вид, что меня понесло, именно для того, чтобы Парвати начала меня ревновать. И снова начала за меня цепляться, не желая упустить такой «брильянт», — усмехнулся Дакша.

— То есть, набивал ценник? — усмехнулся Алёша. Давно уже поняв, что у его отчима был ярко выраженный психотип «Праведника». То есть услужливость была у него «в крови». И он просто использовал эту черту своего характера в конструктивных целях. Не вызывая особых подозрений.

— Конечно! А как же ещё мне стать для неё «брильянтом»? Реально начать ей изменять что ли? Это не только глупо, но и приведёт лишь к распаду семьи. А так и дело в шляпе и ни какого риска!

— Ведь всё познается в сравнении!

— Я просто не мог упустить шанс так просто и легко подзаработать пару нашивок на китель своего имиджа. Тем более зная уже ту самую историю между этой богиней и твоим отцом. И предугадывая вероятную реакцию твоей матери. Я просто оживил в ней ту самую

ревность, от которой она тогда так страдала. Узнав о том, что Шива с ней переспал. Поэтому-то я тебе и говорил тогда, когда ты ластился к Сиринге, что ты неправильно себя ведёшь и только расслабляешь её. Но ты же думал, что ты самый умный и не стал меня даже слушать. И посмотри, чего ты добился? Никогда никому не признавайся в том, что ты её любишь! Если не хочешь потерять. Ведь она тут же начнёт вытирать об тебя ноги. И пилить мозги. А не бегать перед тобой на цырлах, как передо мной — твоя мать. Всячески пытаюсь мне угодить. И если и бурча на меня, то только в общении с тобой или ещё с кем-то. И то — втихаря и закрыв дверь на кухню. И тогда, когда тебе было лет шестнадцать, и ты пытался за неё заступиться, так что мы чуть ни подрались, я всего лишь вправлял ей мозги на место. И ни за что бы не позволил себе её ударить! Хотя и делал вид, что всё именно к этому и идет. Но только для того, чтобы она понимала всю важность ситуации, которую мы тогда разбирали. И со мной соглашалась. А иначе! — с усмешкой погрозил он кулаком. — И теперь ты снова купился на мою игру!

— Мне просто стало жалко тогда свою мать, — признался Алёша. — Потому что я видел тогда только её реакцию. И захотел защитить. Ведь я тогда уже года два качался, а потом около года ходил на «Тхэквондо». Именно это и помогало мне тогда автоматически отбивать твои удары.

— Пойми, я всего лишь выполняю директивы моего отца. Это работало при взаимодействии моего отца с моей матерью. Работало с женой того офицера. И не менее эффективно срабатывает и с Парвати.

— «Чем меньше женщину мы любим?» — усмехнулся Алёша, цитируя строку из романа «Евгений Онегин» Пушкина.

— «Тем больше нравимся мы ей!» — закончил за него с улыбкой Дакша. — Вот видишь, даже поэт это понимал. Это опыт поколений! И пора бы уже и тебе это освоить.

Но у Алексея был психотип «Рубахи-парня», то есть он всегда действовал в открытую, искренне считая любые манипуляции в отношениях совершенно неприемлемыми. И просто не понимал уже, как ему и дальше двигаться в этот паучий мир.

— Придётся! Иначе ты и дальше так и будешь мамсыком. Рано или поздно ты и сам всё это поймешь. Но, боюсь, будет уже слишком поздно, — усмехнулся Дакша. — Ты будешь уже старый, нищий и никому не нужный. Поэтому пора уже вырасти и играть, как взрослые.

— Либо бросить уже эти «ролевые игры» и навсегда уйти от мира, — вздохнул Алёша.

— Так что выкинь из головы эти производные матриархата, найди себе нормальную бабу и — дерзай!

И Алёша вспомнил, как лет десять назад они на «Чезэте» отчима часа полтора или даже два от его поселка Школьный ехали в сторону какой-то большой деревни, где жили ни то Пельмени, ни то Вареники, «на лиманы, — как восхищенно сказал Дакша, — рыбачить». Но оказались почему-то на каналах мелиорации прямо посреди полей, куда выпускали карасей, чтобы каналы не зарастали тиной. И когда он уже устал гонять по этой канал-изации рыбок, то подобрал с земли какую-то доску, чтобы присесть на биваке. Но под ней неожиданно оказалась свернувшаяся спиралью гадюка. И он в ужасе отбросил доску и убежал. С тех пор присаживаясь лишь на корточки. И долго ещё дома за столом удивлялся тому, как долго они кружили по полям и весям, двигаясь обратно, сворачивая то туда, то сюда, то почему-то поворачивали обратно и снова: туда-сюда. И он даже решил было, что они никогда оттуда уже не выберутся. На что Дакша гордо ответил, отставив вилку: «Я если побываю где угодно хотя бы один раз, то уже ни за что дорогу не забываю!» И Алёшка смотрел тогда на широкий высокий лоб Дакши и почти прощал ему то, как тот ещё пару лет назад, желая доказать Алёшке, что ни его медведь Топтыгин, ни его собака Тотошка не являются одушевлёнными существами. И периодически хватал то одного, то другого из них за уши. С наглой ухмылкой циника уверяя Алёшку: «Им совсем не больно! Ведь они же не настоящие!» И звонко щёлкал одного из них по чёрному пластмассиковому носу. Лишь заставляя восьмилетнего Алёшку истерить и плакать. И кри-

чать: «Они живы, живы!» Как и любое существо, которое для тебя живет всех живых, пока ты его любишь. И тут же умирает для тебя, как только ты его предашь. И этим навсегда обрываешь связующую вас серебристую нить любви. Подобно тому как и он сам, пусть — по глупости, оборвал связывающую их с Сиригой нить любви. Конечно же, будь он тогда лет на десять старше, Алёша, как и в армии, просто запустил бы в лицо отчима табуреткой. Пусть и маленькой, которой он нечаянно разбил в тринадцать лет хрустальную люстру. В шутку замахнувшись ею на мать, когда та в последний раз попыталась, по привычке, избить его ремнём. Испугавшись и сам тому, насколько он стал высоким. Но — тогда? Он просто подбегал к отчиму и пытался хоть как-то допрыгнуть до мягкой игрушки в его руке, которую тот с радостным криком подымал ещё выше и получал за это кулачком по животу. И тут же начинал на Алёшу гневно кричать. А затем и пытался «выписать» ему ремня. Начиная поиски «лекарства», которое Алёшка уже давно спрятал под диван. За попытку отобрать и защитить свои любимые игрушки! С которыми Алёшка спал на своём раскладном кресле в углу их коммуналки, положив справа и слева от себя, чтобы не стукаться во сне головой о его деревянные ручки. Лишь ещё больше потешаясь над наивной верой Алёшки в одухотворение материальных предметов и прочий акмеизм. Не понимая как, вообще, можно любить игрушки? Да точно также, как и ты любил свой «Чэзэт»! Которым ты так гордился! Красноречиво убеждая Алёшку своими насмешками в том, что он не только полный идиот по сравнению с его родным отцом, которому, придя из рейса и обнаружив у них дома тупого к чувствам деревенщину, пришлось их навсегда покинуть, но ещё и — конченный урод! После этого так и оставшись для него «дядей». Несмотря на все попытки матери уговорить Алёшку называть его «отцом». Лишь заставляя, с годами, всё глубже убеждаться в том, что у него, как и у Христа, есть только один отец — небесный.

Что и заставило Христа точно также отречься от своего отчима. И после неудачной попытки его женить, навсегда уйти от них. В религию.

Алёша и теперь был всё также очень и очень расстроен. Не меньше Христа. Ведь сценарий у всех Творцов всегда был один и тот же. Но нравы были уже не те. А потому решение этого вопроса уже не могло быть принято так же просто и плоско. Как мы привыкли наблюдать это за собой в двумерной социальной реальности, разбивающей нашу натуру на: я-для-себя и я-для-других. И просто не мог уже уйти в двумерную плоскость веры.

Хотя бы потому, что его туда теперь никто и не звал. Мир усложнился. После введения Времени планета перестала быть плоской — площадью. Площадкой для его детских игр в бога. И приобрела объем, форму шара, расселив человечество по всей планете. Расстройство, как и положено «тревожности» экзистенциалистов, пробуждало в Алёше трехмерное измерение своих глубин, трансцендентное его обычному самосознанию. Ибо соблюдение обычаев о́бычит. Тогда как расс-тройство, напротив, обладало способностью экстра-полировать филигранность его гения.

— Ну, что ты всюду суёшь свой нос, — корил Банан Творца. — Ты разве не понял ещё, что менады тебя боятся? Они думают, что раз ты такой умный, да бойкий проныра, то таких, как они, у тебя валом. Ты разве не понял ещё, недоумок, что они любят меня и только меня, обычного сатира. Каких навалом. А ты их от меня только отпугиваешь?

— По крайней мере, я поступил честно, — возразил Алёша.

— Да и — целесообразно! — подхватил Творец.

— Да кому нужны ваши оправдания?! — взметнулся Банан. — Вы хоть понимаете, что вы со мной наделали, недоумки?

— Я бы посмотрел, в какой бы ты попал переплёт, — усмехнулся Творец, — если бы действительно стал героем этого средневекового романа.

— А зачем тогда нужен такой умник, как ты?

— Как раз чтобы блестяще разрывать подобные переплёты! — заявил Творец с пряной понюшкой торжества. — В которые твои избранницы вечно пытаются заплести твою и без того заплетающуюся натуру. И как венок из цветов романтических ожиданий торжественно водружают тебе на голову. Пользуясь наивной верой Алёши во всё, чего бы они ему ни наобещали. Пытаясь влезть вам на шею.

— Совсем уже обленился, животное, — возмещался Банан.

— Животное как раз ты! — усмехнулся в ответ Творец. — Притом — ездовое.

— Так воздайте животному животное!

— Сирина была так мила! — закатил Алёша глаза к небу.

— А ты нас её лишил!

— Я? — опешил Творец от такой наглости. — Это был как раз ты! Но ты этого не замечаешь только потому, что твои поступки тебя гипнотизируют, изменяя твой гормональный фон, и как следствие, программируют на повторение, извращая заодно и твоё мышление — меня. И твою психику — Алёшу. Который, не чая в тебе души, наивно полагает, что раз ты так поступил, то это было не только необходимо и правильно, но и, на сегодняшний день, единственно истинная модель поведения. Которую он поэтому и пытается оправдать, дабы сохранить свою цельность, убеждая тебя и других в её истинности. Мол, нью-вэйв! Смотри и учись, сынок! Поэтому-то человек постоянно и занимается самооправданием, что он просто-напросто пытается таким вот образом принять и понять своё поведение как то, что он сделал сам. А не как то, что он сделал в следствии давления на него обстоятельств, заставивших его в силу его внутренних качеств — беса — поступить именно таким вот образом. Механически! Благодаря чему любой может прикоснуться к себе и увидеть свой неказистый внутренний мир, если более пристально и беспристрастно проанализирует своё недавнее поведение. — усмехнулся Творец.

Философски обращаясь уже не только к Банану, но и к каждому:

— Ты игрушка в руках обстоятельств, пойми! И то, какие будут возникать вокруг тебя и с тобой ситуации зависит только от недо-совершенства твоего внутреннего мира. Чтобы тебе это показать. А если ты не обращаешь на это внимания, да ещё и пытаешься оправдаться, когда тебе кто-то на это указывает, ты просто пытаешься сбежать с урока из Школы Судьбы и упускаешь возможность роста. Не понимая главного: это не ты так поступил! Это было следствие твоей конструкции. Тебя использовали, как заготовку. Для того, чтобы ты поступил именно таким вот образом для каких-то своих целей: для корректировки судеб других людей, с которыми ты начинаешь взаимодействовать. А ты ещё и упорно пытаешься этого не замечать! Чтобы не перестать быть именно такой заготовкой. Побуждая поступать с тобой примерно таким же образом снова и снова. С новыми героями. В твоём случае — с героинями. Чтобы ты так и не понял, в чём тут дело. В тебе! Думая, что жизнь это некое удивительнейшее приключение! А не прикладная наука жизни, если ты начнёшь обращать на себя внимание. На (якобы) свои поступки, порождаемые твоими внутренними качествами. Просто наблюдать. И понимать! Чтобы наконец-то начать корректировать своё поведение (через недавнее понимание того, как именно это нужно делать) и через это — менять себя.

— Так воздайте же косарю кесарево! — возопиил Банан.

— Так бери! — усмехнулся Творец. — Сфено ждёт тебя с распростёртыми руками.

— И — ногами?

— Пока ты заигрывал с Сириной, Сфено наверняка уже сотни раз пожалела, что послушала родственников и поспешила от тебя избавиться. Её тушка уже достаточно промариновалась грустью в воспоминаниях, отслоилась от «шкуры» своих родственников, мешавших вам продолжить ваши брачные игры и теперь вполне готова к термической обработке. Можешь смело косить с ней под кесаря. Она-то уж точно — сущее животное!

— Как ты смеешь оскорблять девушку? — возмутился Алёша. Как лужа, в которую наступили. — Каковы бы ни были её внешние качества, она априори заслуживает уважения!

— Да, да, да! — с издевкой произнес Творец. — До тех пор, пока мы не познаем её ливерных качеств. Согласно закону соответствия: как вверх, так и вниз.

— Ты хочешь сказать, что у некрасивой девушки не может быть красивой души? — насторожился Банан, поправляя на плече чеховское ружье и пружинно вслушиваясь в темноту. Как и любой дозорный.

— Теоретически — может, — улыбнулся Творец. — Ведь она должна культивировать красоту души в противовес внешнему своему уродству. Но, к сожалению, только должна. И этот долг висит над ней тяжким бременем, выдавливающим её в сферу грёз и нежностей телячьих.

— Поэтому-то все уроды столь восприимчивы к своей персоне? — оторопел Алёша.

— Да так, что им нередко начинает казаться, что все знают или догадываются об их изъянах. И на языке недомолвок шушукуются о них друг с другом. Что заставляет их и в других людях видеть даже ещё больших нравственных уродов, находя в их малейших недостатках наглядное подтверждение своей точки зрения: на мир, как на скопище уродов. В попытке хоть как-то оправдать для себя своё нравственное уродство.

— Чтобы не прилагать усилий для собственного духовного роста, — с усмешкой заключил Банан, пожалев на этого уродца даже патрон. И не выстрелив из чеховского ружья в сердце каждого.

— Да и — внешних изменений. То есть урод не только видит уродов в других, но и пытается их ещё больше изуродовать. Чтобы, через это, хоть как-то возвыситься в собственных глазах. Или ты думаешь, откуда берутся всё новые убийцы и маньяки? Поэтому я, если честно, не советовал бы приближаться к Сфено даже на расстояние пушечного выстрела! Так дальнобойко её уродство.

— Ну, а если положительно изменить её тело? — неунимался Алёша. — Ведь она всё ещё любит меня. А значит захочет быть меня достойной! И мои высокие духовные качества будут работать как катализатор необходимого нам процесса.

— А потом она станет проституткой! — с усмешкой бух! нул Банан. С удивлением обнаружив, что, как и в мультфильме про Винни-Пуха, чеховское ружье (этого «Пятачка») стреляет пробкой. Но — из под шампанского! Если читателя как следует «потрясти». Чтобы он выплёскивался во все стороны и опьянял собой окружающих. Как Ганимед, этот виночерпий Зевса.

— Или пустится в какие-либо другие махинации с сексуальной оплёткой, — подтвердил Творец, перезарядив. — То есть будет использовать своё возрожденское тело для своих грязных манипуляций, пытаясь не работать. Нет уж! Лучше уж ей оставаться в «чёрном теле». Оно защитит её и от самой себя и от неприятностей.

— Ну, почему ты такой пессимист? — изумился Алёша.

— Зато я объективен. В отличии от некоторых, — и он оглянулся по сторонам: на оптимиста- Алёшу и пессимиста-Банана.

Беседа явно отдавала ветхозаветной притчей об Иове с обратным знаком.

«Дело пахнет керосином», — подумал Банан и заёрзал в заметках:

— Это долгая возня.

— Дорогу осилит идущий! — улыбнулся Творец.

— И она не в моём вкусе, — брезгливо заметил Алёша. — Я — элин. Остроухий в своей чуткости к прекрасному и безобразному. А она? Орк, попавший под влияние орк-майера — Медузы!

— Так верни её к жизни.

— Из дерьма — в конфетку? Не могу.

— Так учись, сынок!

— Брать у неё уроки убожества? — веско плюхнул Алёша усмешку на свою тарелку весов диалога.

— Ладно, — прыгнул Творец на свою тарелку весов диалога всей своей божественной массой, которому стало интересно поиграть с ней в Прогрессора, — не беспокойся о чём говорить тебе и что делать. Все что будет нужно, я сделаю за тебя. Просто старайся всё время быть с ней рядом. Несмотря на то, что она, возможно, будет тебя обижать. Ибо природа её груба, прямолинейна и эгоцентрична. Одно твоё присутствие уже может очень многое. Ибо ты, сам по себе, личность необычайного плана! Всё что от тебя потребуется это перестать всё время умничать и дурачиться, как ты это любишь. И начать играть самого себя: птицу высокого полёта с перебитыми крыльями.

— Образно говоря, развести эдакий эстетический курятник, — усмехнулся Алёша.

— «Папа решает, а Вася — сдаёт». Так что, тебе нравится?

— Пожалуй.

— Вот и по рукам. А теперь — вперед! Труба зовёт!

«Ведь шоу должно продолжаться!» — настаивали его поклонники по всей галактике. И официально делали на него ставки: женит ли его на себе Сфено? Оставив на этой планете навсегда.

И вместо того чтобы сделать правильные выводы из своего поведения и горько-горько раскаяться в том, что он не смог подлинно сыграть образ «идеального мужа» и навсегда отказаться от этой нелепой к нему затеи из-за своей к ней полнейшей профнепригодности и, как в былые века, полностью посвятить себя искусству (Петрарка), науке (Ломоносов) или чему бы то ни было ещё (Леонардо), а то и — чему-то большему, занявшись теософией (Христос), Алёша снова кинулся в объятия демона искушения, наивно надеясь сделать её счастливой.

«Феномен несчастного сознания», механизм работы которого столь подробно описали ему в брошюре «Гегель и младогегельянцы», пока он ездил во Владивосток и обратно, перечитывая её снова и снова как только уставал от преферанса с Ахлис, тем и хорош, что петлю несчастного сознания нельзя развязать снаружи. Активными действиями. Так ты можешь только ещё туже затянуть её. Развязать его можно только изнутри — самому несчастному. Пересмотром своего поведения и разочарования в нём, раскритиковав свои предыдущие взаимодействия. Чтобы не только до твоего рассудка, но и до твоего рептильного ума наконец-то дошло, что так больше поступать нельзя. И поняв — как надо. Ведь мы совершаем поступки телом, а не рассудком, а у него своё сознание — рептильный ум (Банан). Пусть и более примитивное, но гораздо более действенное. С его «философией кидалы». Которое может соглашаться с разумом (Творцом), а может и пренебрегать его дружескими советами, действуя как его балдёжной душе угодно.

Наше тело и ведомое им наше эго, наше ложное Я (рептильный ум) — это и есть тот самый демон искушения, который, испытывая сенсорный голод, постоянно нас искушает. Вовлекая в те или иные мероприятия. Культы и обряды.

И Алёша, не спалив ещё в огне раскаяния шкуру своего персонального демона искушения — Банана, наивно кинулся помогать Сфено. Пытаясь доказать и показать и себе и ей свою совсем иную культурность. Свою идеальность. Показав себе (или все-таки — Сиринге?) на сцене отношений со Сфено то, от чего та столь нелепо и решительно отказалась.

Даже и не подозревая о том, как сильно жизнь захочет его за это проучить. И ему всё же придется покаяться. Но уже — от безысходности.

Глава 3

Не обнаружив Сфено дома, он узнал от Пандоры, что Дорида продала квартиру, купила той небольшой коттедж и умчалась строить на пустыре в глухой деревне «новую жизнь» с новым мужем. Тут же став для Алёши (на долю мгновения, когда он узнал о внезапном наследстве Сфено) не иначе как «герцогиней его грёз».

И стал, вечерами, заходить в ларёк. Где Сфено, от безысходности, вынужденно работала продавцом. В душе, конечно же, себя за это ненавидя. Впрочем, как и любая герцогиня, оказавшись в роли обычного продавца. И помогать ей где словом добрым, а где и советом полезным скоротать у костра их любви рабочее время.

Какой ещё любви? Тут же спросит кто-то.

Ну, как это — какой? Татьяна поэта Пушкина у него была. Ларёк — тоже. Поэтому Алёша и умозаключил, что Сфено и есть его та самая, искомая им Татьяна Ларина. В Ларце Ларька. Которой можно будет бесконечно признаваться в любви и откровенно морочить голову, так никогда и не женившись. Как и завещал Пушкин!

Которого убили фанаты романа «Евгений Онегин», наняв наёмного киллера, именно за то, что тот предал собственные идеалы и женился.

На невесте Арсеньева. Который, с горя, тут же отправился в круиз по стране. Сделав вид, что, выходя из столь «низкого» положения, не успел пригнуться от произошедшего с ним «косяка» и ударился головой... в исследования. И пока крутятся в глазах звёздочки, очарован неизвестным. Чтобы ему оплатили экспедицию. Как назвал он свой турпоход по тайге отчаяния в обнимку с Дерсу Узала. Спровоцировав открытием Дальнего Востока русско-японскую войну. После поражения в которой Временное Правительство и заставило Николая-второго, как никудышного вояку, отречься от престола. Что, в свою очередь, дало понять Ленину и Троцкому, что это именно их шанс!

Вот так вот Пушкин, по глупости, развалил страну. За что и был убит. Когда до всех масонов в Питербурге наконец-то стало доходить то, чем его свадьба обернётся для России.

Именно поэтому Алёша и воспринимал теперь Сфено как откровение небес, данное ему лично в руки. Пока в глазах крутятся звездочки после удара об косяк с Сириной.

Но кому нужен беспантовый лось? Без денег?

Как известно, человек, без денег, только собаке друг.

И Алёша чувствовал по отношению к нему «герцогини», что его имидж снова начал трещать по швам.

И тут на сцену шагнул Силен. И заиграл на лире, буквально очаровав Сфено своими перспективами.

С которым Алёша ходил в последний рейс на судне «Доломит». И пока не было кальмара и добытки рвали тралы о кораллы, они оба высокопарно рассуждали в каюте о прекрасном поле на полу и в поле, расцветающем вокруг них от половой активности матросов. Что была закономерным следствием поглощения кальмара. И о том безобразном образе жизни, который они вместо этого вынуждены были вести. Дав себе зарок всенепременно заняться хоть каким-то бизнесом!

И сказал, что Алёша должен идти в Японию за машиной вместо него. Как они в рейсе и планировали. Так как узнал, что если за машинами будет ходить он сам, у него могут возникнуть проблемы с налоговой.

Любил ли Алёша путешествия? Да он жить без них не мог! Всерьёз считая (как и любое тело, живущее внешними акциденциями), что от перемены мест, слагаемых в кругозор, не изменяется только суммарная единица глупости!

Тем более что Алёша уже начинал жалеть о том, что начал вторую волну общения со Сфено. Которая, после его сожительства с Сирингой и её шумной свитой, стала теперь казаться ему ещё более примитивной. И нередко, общаясь со Сфено и спотыкаясь о недопонимание элементарных для него уже вещей, всё чаще готов был буквально провалиться сквозь землю.

И был безумно рад, что Силен наконец-то предоставил ему такую возможность.

И заказав для Алёши место под машину в одной из турфирм, Силен пожелал отведать в Находке местных менад.

Но сестра Поликсены Силену так и не дала. Увлечь себя его красноречием. И Силен дал себе зарок: больше никогда не охотиться в чужих угодьях. Ведь как ни пытался он угодить Лаодике, она так и не перестала называть его «негодник!» Потому что в отличии от местных прощелыг, которые постоянно её обманывали, пуская в глаза алмазную пыль любви и внушая своё могущество, Силен пытался оперировать у Лаодики в голове лишь голой правдой. Буквально раздевая себя на глазах у всех. То есть — своими многочисленными планами, пытаясь с их помощью вычислить свою вероятную судьбу. И возможность Лаодики с ним её разделить. То бишь выставил себя голодранцем! С фиговыми листиками планов. Как во время принятия русской бани, прилипшими к его спине и заднице.

Побудив её ими же его и отхлестать, поддав парку сарказма. Издеваясь над ним своими сомнениями в их реалистичности:

— Ой, да ладно врать!

Вместо того чтобы внушить ей то, что он, правда с огромным трудом, не спорю, все их давно уже оторвал, как полоски для депиляции, и последовательно реализовал. И с тех пор лишь судорожно ищет ту, что помогла бы ему побыстрее уже избавиться от внезапно навалившейся на него, в тёмном переулке, денежной массы. Начав его душить. Пока он изнывал, задыхаясь от непонимания того, куда её всю потратить. И во что вложить. Без Неё — его главной героини! Подстрекая Лаодику и Поликсену на дружеские советы. Заставляя игриво вживаться в роль потенциальной миллионерши то ту, то эту. А то и — их обеих. Наперебой друг с дружкой конкурировать в разговоре за его сердце. Наперегонки волоча его в постель! Чтобы реализовать уже наконец-то с ним накопившийся за время всё более интригующего бурного разговора о её и только её миллионах потенциал. Попросив Алёшу в самый ответственный момент сходить за бутылкой. В самый-самый далёкий магазин. Мол, ты же тут вырос и всё знаешь. И — понимаешь, подмигнув.

Так и не осознав, что всё это — Сказка. И пока ты не станешь её светлым Принцем... То есть не научишь её быть Принцессой, передав ей потенциал в недалёком будущем себя реализовать как настоящую Королеву, но уже — с любым другим, она так и не перестанет быть Нищенкой. Воспринимая и тебя по образу и подобию собственного ничтожества. То есть — таким же нищесбродом, как и все вокруг. Желаящие залезть к ней в ухо. И вылезти уже утром на одной постели.

Тогда как Поликсена давно уже знала Алёшу «как облупленного» и, можно сказать, по привычке, с понимающей лукавой улыбкой очищала от кожуры его откровенно наглых внушений и грубых шуток у себя в голове его банан. Буквально — в голове. Заставляя голову этой «бездельницы»⁸ двигаться над его «повиликою» столь же нежно, как «мягко плавала пчела» Ахматовой. То есть — под её стихи. С глубоким чувством ритма.

Вместо того чтобы самой приплачивать ему за очередной урок поэзии! Как и положено (на тумбочку), по семь долларов в час — в строгом соответствии с трудовым законодательством Соединённых (сейчас, в едином порыве у её прикроватной тумбочки) Штатов. Дистанционно

⁸ Анна Ахматова, «Я пришла сюда бездельница...»

наблюдая урок поэзии, который Алёша давал ей тогда, так сказать, на глазах у всех. То есть в том числе и — Силену.

Пока Силен (отлично понимая то, чем именно Алёша сейчас занят, слушая через дверь стихи) стоял на кухне и во все глаза иступлённо смотрел в окно. Всё пытаюсь разглядеть сквозь разводы на давно уже немывтом стекле поэтически размытые очертания Лаодики, плавно перетекавшие сквозь горизонтальные полосы некачественно выполненного стекла в сторону подъезда. В своей подслеповатости то и дело путая её с соседками. Всё более быстро, ловко и невесомо, не чуя (задних) ног, бегая открывать ей дверь. И каждый раз с разбегу наскакивая на их растерянные улыбки. Перед тем, как подняться выше — в свою квартиру. Повергая Силена этой анекдотической ситуацией в очередной шок. Или же так и не добравшись до Силена, пока тот с замиранием сердца считал её еле уловимые на слух шаги, и растаяв где-то по пути вниз. Впрочем, как и любой мираж. На прощание хлопнув дверью. Его распахнутого к Лаодике сердца. Уже всё более твёрдо и выразительно повторяя в сотый раз строку из нашумевшего (у него в голове) стихотворения: «Прощай, немывтая Россия...» Михаила Лермонтова. Никак не желая смириться с тем, что Лаодика взяла у него денег ещё на одну бутылку вина и... Исчезла без следа.

Её и след простыл! И догоняя её, долго кашлял. Упал и умер посреди весенней лужи. Так и не успев дать Силену признательных показаний: «Куда исчезла твоя реактивная хозяйка?!» Оставив в воздухе и «в сердце — скуки перегар»⁹. Чтобы Силен («на губах — отравы злости») смог на своём горьком и его сладком банановом опыте научиться вести себя с городскими бестиями. Так сказать, на контрасте.

Лаодика давно уже никому не верила — в светлое будущее то и дело искушающих её Тёмных и жила исключительно настоящим. Внушением их могущества изменить к лучшему её пресловутую судьбу.

Но Алёша практиковал тогда ещё без лицензии и ничего не мог Поликсене предъявить. По существу.

В отличие от Пенфея, уроков которого она с тех пор стала избегать. Чисто физически от него сбегая. Видя, как бурно тот защищает свои правовые интересы! Ведь Поликсена давно уже выдала Пенфею чуть ли не официальную лицензию на отстрел. И с тех самых пор «наш пострел везде поспел». То и дело размахивая у носа подруг револьвером своего бурного воображения. Угрожая, если что-то пойдёт не так, «тут же поехать и пристрелить её!» Прямо в мозг, минуя височную кость, в порыве своего могущества! В данном случае — через ухо. Благо, что пороховой след от его эмоционального посыла не смог бы отследить ни один баллист. Ведь Пенфей убивал менад интеллектуально. А никто из криминалистов ещё и не предполагал тогда, что это за мощное оружие — мнтеллект! Гораздо мощнее любого огнестрела. И насколько сильно вы можете поразить им своего партнера или же противника в самое сердце!

Да-да, я не оговорился, даже — вы. Прочитав «Кассандру». И поняв то, за что именно Пенфей заслужил от Алёши официальный диплом «ЭксПэБэ». Эксперт по... Бледным леди. И купив бумажный вариант книги, сможете всегда носить этот «диплом» у себя подмышкой по дороге к очередной кошечке. Побуждая её воплотить, зачитывая ей в слух (здесь: стреляя ей прямо в мозг!), то или иное безумство Алёши и Пенфея. Мол, это же так банально! Жизнь подражает... искусству быть. Насаживая её на самое острие исторического момента!

Шучу. Не пытайтесь это повторить.

Опас-с-сно играет Протасов. Выходит один на один с вратарём!.. Удар!..

— Главное — не садись в машину, когда будешь торговаться, — напутственно сказал Силен уже возле судна. — Иначе дилер подумает, что ты на неё запал. И уже не сбросит цену.

⁹ Здесь и далее И. Анненский, «Трактир жизни».

— Да, всё и так понятно, — отмахнулся Алёша.

— Ты точно понял? — не поверил Силен, что ему не нужно этого разъяснять. Ведь для того чтобы до него самого дошел смысл этого анекдота и он принял это как инструмент воздействия, его более старшему и умному другу Эртибизу пришлось пол часа подробно объяснять Силену задействованные при этом психологические механизмы.

— Я давно уже всё понимаю.

— Ты что, академию заканчивал? — критически усмехнулся Силен.

— Ага, академию Платона.

— Ну, я только потому с тобой и связался в рейсе, — признался Силен, — что сразу же понял, что ты гораздо умнее меня.

— Не даром Хапер всегда говорил, что подружился со мной только из-за того, что у меня глубокое лицо! — усмехнулся Алёша и пошёл в кают-компанию.

Но как только он вышел в море и оказался один на один в тесной каюте со своими внутренними проблемами, настойчиво требующими от него пересмотра всего его поведения за прошедшие впустую пару месяцев и их немедленного разрешения, у него тут же начало срываться башню.

Чтобы этого избежать. Ведь само осознание того, что ты (!) и вдруг поступал глупо, да ещё и сам же оказываешься виновен в своих проблемах, настолько унижает твоё эго, твой репутильный ум, что ему гораздо легче заставить тебя покончить с собой, чем начать признавать свои ошибки. Изменяться и... потерять свою власть над телом. Шагнув в поведении под контроль Разума.

«Нет, нельзя упускать такой случай, — размышлял Банан, агитируя Алёшу стать соучастником этого преступления. — Утонуть, затеряться в море — это гораздо романтичней, чем отравлять себе последние минуты представлениями о том, как тебя будут вынимать из петли.»

Эти глупые похороны, ещё с детства постоянно вызывавшие у него рвотную реакцию смеха. Заставляя в недоумении оборачиваться на него молчаливых участников похоронных процессий, когда он в них участвовал или просто наблюдал со стороны. Начиная размышлять о том, как и тебя с ритуальной поспешностью собаки, рефлекторно закапывающей свои экскременты, похоронят и побегут дальше, принохиваясь и присматриваясь. Нет уж, по сюжету положительно рекомендовалось: «Набить карманы серебром, что б, растолстев, с разбегу выпрыгнуть в открытое окно!» Океана. Из форточки которого насквозь бил в лицо арктический сквозняк.

Но тут, когда Алёша уже стоял на открытой палубе, ожидая, пока все пассажиры наконец-то надышатся воздухом и зайдут во внутрь, предоставив ему полную свободу действий, на палубе появилась одна из пассажирок. Сойдя к нему со страниц Бальзака. И чуть подышав в одиночестве, подошла к нему и стала рассказывать историю своей никчемной жизни. И те житейские неурядицы, которые буквально заставили её заняться этим довольно-таки не женским бизнесом по покупке и продаже машин. Рано умерший муж, взрослая дочь, поступившая в институт в Трои, обучение и проживание которой нужно как-то оплачивать... И прочая ересь, до которой Алёше в этот судьбоносный момент совершенно не было дела. И повсюду преследовала его по палубе со своей исповедью, пока он всем своим неопределённым поведением неумело давал ей понять, что ему сейчас явно не до неё.

Пока мягкотелый Алёша не начал бессознательно включаться в диалог и вынужденно ей сочувствовать. До тех пор, пока она совершенно не замерзла и не пригласила его к себе в каюту на горячий чай с пирожками.

— Которые я испекла собственными руками!

У него тоже уже горели от холода нос и уши. «Да и вода, небось, ледяная», — подумал Алёша, поёжившись. И охотно пошел за ней, на ходу так и играя в ёжика, пока не обдал себя ушатом коридорного тепла.

Таким образом Алёша из воздушных замков Королевы был отброшен в эмпирию Кухарки с её пирожковой опекой. Что дарит покой и ласку истерзанной душе художника. Этот милый сердцу приют...

Этот постоянный двор.

Те плоты, благодаря которым он всё ещё удерживался на плаву, держались, во-вторых, на том Соере, где остался б недоразвитым его литературнотый гений, на котором до встречи с Сирингой Алёша размещал военную базу своего интеллекта. И карьера которого оканчивалась словами: «В моей смерти прошу...» «Но это было бы чудо как красиво!» — вздыхал в его голове сценарист, которого подкупал высокий трагизм молодящейся старухи ситуэйшен. Но высокий смуглый трагизм был скуп и мелочен, поэтому ему не удалось договориться с режиссером. И его вариант сценария был забракован.

Но скупой платит дважды. А тупой — трижды! Чуть позже он пришел ещё раз, показывая пару бриллиантовых слёз Сиринги, узнавшей о смерти главного героя. И хапуга-бюрократ режиссер уже потянул было свои фосфоресцирующие в сумерках вечера пальцы в сияние жалости...

Но тут подлетел ангел и надавал ему по рукам боевым молотом викинга. И спросил:

— Алёша, зачем ты себя так мучаешь?»

— Зачем? Затем что, Сиринга являла мне образ моей Хладной графини.

Причем в тот же день, как Сиринга его отвергла, образ Хладной как-то незаметно от неё отслоился и улетучился в сферу идеальных сущностей. Оставив застолью маленькую хрупкую Сирингу во всём её «грязном белье», напоминавшую хрупкого цыпленка. К которому он испытывал лишь нежность и жалость, слитые в одно.

Ведро с отходами бывлой любви.

Но суеверно продолжал цепляться за это хрупкое жалкое тельце. В которое ещё можно, он верил, вдохнуть его идеал Хладной:

— Сиринга снова расцветёт и воссияет солнцем!

Но тут ангел надел смокинг и развалился на кожаном диване его внимания. Подражая лорду Генри.

— Не будь бабой. Ты уже прошёл этот квест. Так что перестань уже им бредить.

— Но это была вовсе не игра! — оправдывался Алёша.

Ведь как и положено лимбическому отделу головного мозга, Алёша всегда жил одними эмоциями. Лишь благодаря общению с Творцом постепенно сублимируя их в этические нормы.

— Да. Это был бой. И ты его выиграл, — апеллировал тот напрямую к Банану, видя, что Алёша уже распустил нюни. — Мысли, как самбист. Вспомни, чему в детстве тебя учили. Ты сумел-таки вывернуться, вспотев от напряжения, и уйти от захвата, не дав ей провести удушающий прием. Хотя она, фактически, уже висела у тебя на шее.

— Да, она была так мила! — продолжил Алёша. Не понимать, что с этим слюнтяем тут уже никто не разговаривает.

— Только это и помогало ей тебя отвлечь, произвести подсечку и повалить на канвас. Ваших отношений.

— Так, а зачем она это делала? — не понял Банан.

— Как это — зачем? Чтобы, как только ты расслабишься, закинуть ноги «на треугольник» и навсегда повиснуть у тебя на шее. Время от времени сжимая в постели хватку, если ты начнёшь ей хоть в чём-то возражать. Так делают все. Им, по сути, больше и нечем тобой управлять. Ведь если они начнут пилить тебе мозги, то как только ты «выйдешь из себя» от

их настойчивости что-либо навязать тебе, Творец автоматически выйдет из сердечной «чаши терпения» и легко разобьёт любые их доводы.

— Как было уже не раз! — вспомнил Банан. Как легко Творец отбрил нападавших на него Жана и Жака.

— А вся её красота и её окружение — это лишь пряник, вкусив который ты должен был разомлеть и перестать замечать тот кнут пожизненного рабства, который она приготовила для тебя за спиной. Но ты увидел его тень и рефлексивно ударил её копытом своей низшей природы, заставив ревновать. Так что наслаждайся ветром, пока кто-нибудь снова не попытался накинуть на тебя аркан. Чтобы затянуть тебя своими ласками и мечтами в свой загон.

И архангел исчез для него так же внезапно, как и появился.

Так что Алёша сразу же намотал сопли воспоминаний на кулак полученного осознания, и стал, разматывая их как страховочную нить Ариадны, спускаться в колодец своей высшей сущности:

«А я со своею изящной графией
Скитаюсь бездомный,
Безмолвный, бездонный,
Как танец в пучине.
Пучине причин.
И ключом партитуры
Я правлю запавшую клавишу дула,
Настроив рояли души.»

Нас трое в рояле души. И это его так расстроило, так что он решил сегодня не ограничиваться, не расстраиваться, а залез в душистый рояль. Но вскоре ему стало душно и что бы избежать очередного рас-тройства, он принялся себя натурально четвертовать. Потомучка новорожденный Пластилиновый мальчик пропотомучал: руки (Алёша) — ноги (Банан) — голова (Творец) — нет концепции ядра, только это, как дыра. И предвложился в то, что Алёша всё спускает Банану с рук за их у него отсутствием в унитаз желания, засевшему в интеллектуалете Творца для коррекции команд из эгоцентра, осуществляющего засев ячеек памяти сухим продуктом творческого акта по степени их усвояемости. Чтобы Алёша удобрял им свою внутреннюю речь, перегнивая в своих размышлениях. Постепенно становясь Творцом.

И вместо предсмертной записки он начертал «Infernal love»:

«Вначале было слово. И слово было убого. Убогим был и бог (Творец), пока тьма не объяла его.

Иконопись былого: пластика страстей. Кривая логики теряет свою кривизну, выстраиваясь параллельно последней вымирающей извилине:

Поршень бытия дает энергию для внутреннего сгорания. За счет сжатия тебя в камере проблемы. Порождая вспышки внезапных озарений.

Я, конечно же, сгорал и внешне. Но это было до того, как я перепрофилировал себя в автомат по переработке и утилизации воспоминаний. И только стая липких мыслей парит над стекловатой событийности и увлекает за собой — в живописуемое плоскогорье меня-возможного. Что зря: я есть ружье, которое утратило свой инстинкт. Кто, гуманист? Это работник ГУМа. Из сферы обслуживания. Я — лишь остаточная поза. Видимости невидимого. Того, что вне. И как бы над: эксцентрика ногтей, царапающих полировку пустоты (что позволяла сгорать в себе метеоритикам потрясностей и звездкам грёз), куда воткнул я ось себя-грядущего!

Движение — это жизнь. Цель жизни — продвижение. Итог движенью — тленье. Давайте ж погнием:

Плиты плоских мыслей, пережив землетрясение отвергнутой любви, провалились в закрома души и, прищемив инакомыслие о Ней, завалили вход меня к себе. Я обезрулил и, со все ещё наивно раскатанным парусом нижней губы, был выброшен на мель сознания. Губу скатал и кинул в чемодан: до лучших дней. Сiju на чемодане чувств и в слепокруженьи карусели мыслей впадаю в транс зависания меж двух реальных, в чем-то, плоскостей: себя-возможного и невозможного-настоящего. Она! В душе ехидничают колики тоски. Но это злая игра, игра с собственным одиночеством. «В дурака» — меня: сдавая карты событий играл с ней, а выиграло — оно.

Как заводной, бью себя по башке фактом: «Жизнь полна импровизации!»

И экранизации — тоже:

В разрезе глаза мелькают клубки силиконовых эмоций. Анализ людей на ложь даёт удивительнейшие результаты! Непредвзятость меня-былого поражает. Но она... Она... Она!.. Она!.. Она!!!

— Тихо! Встать! Суд идет — в кино моих иллюзий.

Навязчивая мысль — это бумеранг, танцующий в мозгу под вкрадчивую музыку ностальгии (в данном раз-ре-зе моего сердца). И чем сильнее ты отбрасываешь свою любовь, пытаешься сбежать от неё «хоть на край земли», тем охотнее она вонзается тебе в затылок.

Честности ради, Сиринга — неизбежный итог, фокус любых моих раздумий об окружающей реальности. Вывод: она — фокус, который со мной произошёл. И она исчезла.

Поползновения символизма:

«Мелодия любви, вдруг, оборвалась в тишине.

Но это — о телесном.

И вот сiju и жду, пока она окончится во мне.

И это даже интересно.

Со стороны, конечно».

С точки зрения психолога: Сиринга, для меня, есть совокупность ряда произвольных внушений, в результате некоей трансформации реальности превратившихся в ряд произвольных самовнушений.

Нет сильнее искушенья,

Чем игра в самовнушенья.

Вывод: Сиринга, для меня, галлюциноген.

«Зимней вишнею» она

В моей душе останется.

Но только кончилась зима,

Как вишенки растаяли.

Да! Да! Да! Мерзлота мерзости сковала разум. И мне приходится ломом мысли выдалбливать в нём извилины. Чтобы снова начать жить в мире, который я так дико ненавижу и люблю. Ведь комфорт — аксиома существования!»

В конце концов, — усмехнулся Творец, — никто не стоит того, чтобы я покончил с собой из-за предрассудков. Ибо они — лишь следствия моих привязанностей. О которых мое подсознание от имени Алёши, используя Сирингу, как ненаглядный пример, и пытается мне сообщить на языке образов. То есть — в прочувствованном виде, на языке подсознания. Раз уж оно оказалось умнее меня из-за того, что я, оказывается, веду бессознательный образ жизни. Отрываемый в виде воспоминаний. И, как корову, заставляющий меня моей же бессознательностью снова и снова усваивать этот материал, этот запасник моей иллюзорности. Пока он не превратится в мрамор — осознанность, из которого я, в конце концов, смогу высечь свою индивидуальность. Отсекая от себя всё лишнее. Ведь привязанность — это ноумен воспоминания о том, куда мы вкладывали свою сердечную энергию. Так сказать, фиксированное сердеч-

ное излучение. Призванное напоминать нам (своими выходками) о том, что ранее оказывало на нас столь сильное впечатление. Таким образом, привязанность, как указатель на источник положительных ощущений, есть вектор нашей активности, образующий посредством той или иной привязанности стереотип поведения. А раз уж у меня есть желание покончить с собой, то это есть следствие воздействия на мою падкую до всего красивенького психику (эту наивную прилипалу) шаблона поведения несчастных до безумия (само-) влюбленных.

— Я понимаю, — усмехнулся он своему подсознанию, отдыхающему в имении Алёши, — что любовь для тебя — всё, ибо для тебя это пока что самое положительное впечатление, но неужели твои впечатления носят столь шаблонный характер? Что нового ты можешь тогда создать? Что ты тогда за Художник? Может, ты простой обыватель? А весь твой апломб художника — лишь маска? Которую тебе, как и Дезу, лишь нравится иногда надевать. Дабы кичиться своей очевидной в глазах других неординарностью? В то время как сам ты — раб своих привязанностей. Если твоё мышление столь стереотипно, то у кого тогда возникнет желание тебя читать? И тем более — читать после твоей смерти? То есть — почитать?

Ведь если сознание — это способность предвидеть последствия проявления тех или иных привязанностей при твоём бессознательном участии, а сознательность — способность, предвидя, не допустить действительных проявлений привязанностей, не дать им даже и шанса нас захватить, то осознанность — готовность в любой момент прекратить проявления привязанности через наши действия. Какой бы «полезной» ни казалась нашему воображению (подхлестнутому им и этим ослепленному) его работа. Воображение — предатель, (по слепоте своей) увлекающий нас в сети привязанностей, только и наслаждающийся своим захватывающим дух (в тиски новизны) феерически праздничным месивом впечатлений. И осознанность — меч, рассекающий эти сети! А поскольку общество, привлекая сердечное излучение нашего восприятия в сети стереотипов поведения, программирует желания, то и — узы, связывающие нас с обществом!

То есть осознанность — глаза сердца, одним своим присутствием (света) заставляющие его раскаиваться, узрев серпантин своих голововскружительных заблуждений — эти «американские горки» души — со стороны. Привязанность — эхо, посредством которого в нас откликается наше прошлое, пытаясь завязать диалог с твоей неврастенией. Твое прошлое — один из вымыслов, который (в силу твоей наивности) лучше всего сохранился в твоей памяти. И не нужно превращать свое настоящее в попытку убедить себя в реальности этих домыслов. В попытку — действительно (в новых действиях) — их домыслить. Прошлое — это грязь, прилипшая к твоим подошвам.

— Тем более, — усмехнулся он, втапывая Алёшу в эту самую грязь, — если твоя мечта не реализовалась, то она и образовалась в результате твоих заблуждений. Твоей переоценки своих возможностей её реализовать. И вспоминать о Сиринге, значит продолжать себя обманывать. Что, мол, когда я стану большим и сильным, я раз-вернусь к ней, и... Но часто ли наступает это заветное там? Сиринга — для тебя (как, собственно, и Кассандра) — лишь забываемый упрек в твоём ничтожестве. Которое единственное, что может реально тебя волновать. Как беса. И пока ты не станешь сильнее, ты приговорён самой судьбой — твоим бессознательным — о ней вспоминать. А ты, вместо того чтобы наращивать свой потенциал, который единственно и может превратить меня из болота (обывателя) в реку (истинного джентльмена), трусливо пытаешься сбежать с её урока. Своими наивными попытками относиться к своему телу как к отдельному от тебя живому существу — Банану. Забывая, что без тебя и твоего логического контроля оно мертво — жадно чавкающая под ногами своих недопоступков грязь! Не дающая пробиться на свет свободному сердечному излучению скрытого внутри тебя ангела. Вынуждая постоянно себя обманывать. Хуже того, зная, что урод видит в других ещё больших уродов, пытаюсь своей оценкой ещё больше их изуродовать чтобы через это хоть как-то (и ещё как!) возвыситься, заставляешь себя — своим нежеланием прилагать хоть какие-то усилия —

себя уродовать. Коверкая самооправданиями свои же собственные глаза! И через это начинаешь видеть не мир во всей его красоте, а скопище подавленных страстей и их жадные выплески через произведения искусства. Превращая последнее — в единственную отдушину. Заставляя себя от души ему придаваться. Хотя и знаешь, что трудности только закаляют и обостряют восприятие.

Говорят, волны времени лижут раны любви... Но я-то знаю, что цветы спрятаны в стеклышках восприятия, этих контактных линзах сознания. Надо лишь протереть их от жарких испарений любви к себе. Стереть испарину своей жадности. И больше не давать обществу себя провести. Танцуя в хороводе их обрядов, ритуалов и стереотипов поведения. В безотчётной попытке выпросить у этого Деда-Мороза конфетки новых впечатлений. И получая вместо леденца цветную стекляшку, подобно Сиринге. Только так можно навсегда избавиться от давления времени, перестав быть птенцом с его раскаленной глоткой постоянного ожидания подачек от собственной жизни. Этого суррогата воображения. Его атрофирующего вербовкой тебя на службу к желанию. Став вместо этого — всегда — настоящим!

Глава 4

Надо заметить, что вначале Алёшу, для которого на судне почему-то не оказалось свободной каюты, хотели поселить в кают-компании. И он, согласный, как всегда, на всё что угодно (тем более что внутри него неотступно klokотало то, что и заставляло его не обращать уже никакого внимания на все эти бытовые мелочи), уже растянулся было на диванчике возле общественного стола. Бегло записывая свои мысли.

В отличие от других пассажиров, вещей у него не было. И даже положить под голову было нечего. Но затем другие пассажиры, зашедшие в кают-компанию выпить чаю и наткнувшись на его неотвратимое присутствие, мешавшее им откровенно между собой поговорить о делах, заставили его пойти возмущаться к капитану.

— Спроси его: «За что я плачу вам такие деньги?»

— Пятьсот долларов!

— Не только за место под машину, но и за амортизацию каюты!

— Согласно заключённой с директором их же компании договором.

— А не возле двери на коврик!

Шумно настаивали они Алёшу на путь истинный. Социальной справедливости и прочий бред.

И лишь после того, как он явился в каюту капитана и громогласно исполнил все эти ритуалы подковёрной борьбы за место под солнцем, его тут же поселили в каюте старшего механика. Который до этого жил исключительно один — в двухместной каюте. В силу своего привилегированного социального положения на нижнюю шконку, как второе божество на судне. После капитана. И долго отказывался войти в сложившееся положение хотя бы на верхнюю шконку этого попаданца из другого по отношению к членам экипажа мира.

— За которым стоят незримой тенью более высшие, чем мы оба, силы. — объяснял ему капитан.

— Взявшие у меня за это пятьсот долларов! — повторил Алёша.

Капитан тут же уверил стармеха в том, что они всем экипажем сейчас что-нибудь ещё придумают. И ушёл. Думать.

— К себе в точно такую же каюту! — скрипел зубами старший механик. Всё никак не желая смириться с тем, что ему весь этот долгий — теперь — рейс придётся терпеть у себя под боком Алёшу. Словно занозу в заднице.

И пару раз, не взирая на годы, подымался на мостик, раз за разом побуждая капитана как можно активнее начать думать: поселить Алёшу в своей каюте. Разумеется, но не говоря об этом вслух.

Но — тщетно! Капитан упрямо переключал его внимание от этого (торчащего у стармеха из задницы) вопроса, на решение уже других, не менее насущных задач.

— Бессердечная сволочь!

И лишь после того, как Алёша попросил стармеха оценить с литературной точки зрения его «Infernal love», тот надел очки, прочитал и ответил ему, что понял из этого только то, что «кто-то, — подчеркнул он, — сделал тебе очень и очень больно». Шумно вздохнул и, скрипнув сердцем, примирился с этим неудачником. Начав нормально общаться.

«Наши слёзы и страдания вербуют наших сторонников»! — понял Алёша. И пошёл на ужин.

«Наш язык — врагов», — запоздало понял Христос, как только его приговорили к распятию. И больше не открывал рта. К удивлению Пилата.

Во время ужина в кают-компании Алёшу подловила уже знакомая нам Кухарка, которой так и не удалось совратить его пирожками, наконец-то поняв, что тогда ему было просто не до неё. И попытавшись взять реванш, заявила, что у неё девчата сегодня вечером собираются. И она хочет его со всеми там познакомить. Мол, не бойся, я буду не одна. И любезно согласилась его сопровождать, взяв под локоть.

А точнее — отконвоировать. К себе в каюту.

Также, помимо четырёх нереид, в данный «салон» были приглашены ещё парочка симпатичных молодых людей из числа уже опытных бизнесменов. «Которые многому могли бы тебя научить», — подмигнула по дороге Кухарка.

Если бы те не выпили пару стопок и минут через десять-пятнадцать, как только беседа стала проваливаться в сугубо бабскую рутину, не покинули салон, сославшись на неотложные дела и необходимость срочно обживать каюты.

— Пока не наступило на горло время сна, — оправдывались они.

А Алёша... Ох уж этот Алёша, которого соседки по коммуналке ещё с детства регулярно обвиняли в том, что Алёшка постоянно их подслушивает. Даже тогда, когда Алёшка достаточно подрос и уже не крутился на кухне, наливая то суп, то чай, то ещё чего, а сидел уже в общем коридоре с ногами на столе с книгой в руках и делал вид, по их мнению, что читает. «А сам только и делает, что подслушивает!» Пока они шумно общались между собой на кухне, обсуждая свои чертовски насущные проблемы.

— И интересно тебе выслушивать бабские сплетни? — мимоходом спрашивала одна из соседок, проходя мимо Алёшки в свою комнату. И прихватив сигареты, тут же выходила обратно. — Когда тебе это уже окончательно надоест? Шел бы в комнату и смотрел телевизор, как все. Книжку-то переверни! — усмехалась та. Исчезая за углом.

Алёшка усмехался ей вслед, заметив, что книга в руках лежит нормально. И вместо этого переворачивал восприятие. Спокойно продолжая читать. Между строк: что именно не даёт соседкам покоя.

И теперь чувствовал себя в обществе нереид, как дома. На общей кухне. И даже иногда смешил их, давая свои наивные, по их мнению, советы. Которые он снова читал между строк. Их диалогов. Делая ему скидку лишь на то, что они расценивали это как способ поддержать беседу.

— Надо же хоть что-то говорить?

— Или напомнить о том, что он не просто так с нами тут сидит? — подмигивала Кухарка. И тут же наливала ему в стакан виски, найдя его очередное замечание как внеочередной отпуск от пересудов о делах, перемывания костей всем своим близким, и повод ещё раз всем вместе выпить.

— Ну, на здоровье!

— Чтобы купить те машины, на которых можно будет серьёзно навариться! — вставил Алёша свои «пять копеек» в этот автомат, выдававший ему уже не стакан лимонада, как в детстве, а четверть стакана виски.

— Да, за это стоит выпить! — шумно соглашались они. Заставляя его чёкаться.

Понятно, что нереиды его терпели возле себя и не решались прогнать взашей только из-за того, что его пригласила туда хозяйка всей этой цветущей от их улыбок накрытой на стол «поляны», для которых Алёша стал тут своего рода любимцем. Видя, что их подружка всё ещё надеется на продолжение банкета. Да и просто ради того, чтобы среди них околачивался хотя бы один представитель мужского пола, превращавший своим присутствием эти сугубо бабские посиделки в некое культурно-массовое мероприятие «Для тех, кому за тридцать». Остаться одним почему-то становится особенно противно. А других, более молодых нереид, среди них не было. В силу экономических и других, не мене остро повернувшихся к ним задом причин.

Как та «избушка на курьих ножках»¹⁰, о печальном происхождении которой рассказала Алёше та, которую он, для себя, прозвал Кухаркой. Ещё на открытой (к ней своими ушами) палубе. Желая не менее сказочно повернуться «к лесу передом, к нему — задом».

А затем и — все остальные. Поведая о своих не менее кривых «избушках», которые всё ещё держались на плаву в этом болоте жизни благодаря их всё ещё стройным ножкам!

Да и не могли ещё молодые и неопытные наяды быть столь же ответственными, чтобы отправится в самостоятельное плавание по волнам свободного бизнеса. Тем более — в реальное плавание. За границу. Не тянули они это ни умственно, ни эмоционально. Не умея ещё столь часто сталкиваться с цинизмом и хамством окружающих и выходить из этих битв и склок неизменно победительницами. Даже если для этого необходимо было буквально переорать своего оппонента. Как те участницы реалити-шоу, что окружали сейчас Алёшу. Всё тесней и тесней. Постепенно вынуждая его общаться на всё более сокровенные для него темы. Откровенно отбрасывая то, что этими нереидами давно уже не воспринималось как табу. И даже — грязные намёки.

— Что естественно, то не безобразно! — усмехались они. Над его реакцией.

Заставляя Алёшу слегка смущаться. Но не подавать и вида. Что он другой. Раз уж он «каким-то чудом» оказался в их компании. Своим.

Чудо при этом умудрялось не менее чудесным образом не терять надежды. В свою Сказку. И подсаживалось к нему всё ближе. Под тем или иным предлогом погадать на руке... или ноге.

По мере того как стали, по одной, выходить в туалет или ещё куда её новоиспечённые, не менее румяные от выпитого виски, подружайки.

И пропадать в туалете без следа.

Посреди ночи, когда окончилось виски, Алёша тоже «неожиданно» захотел в туалет. Освоив эту чисто английскую манеру уходить не попрощавшись. С местечковой отдушкой.

Затем он очень тихо прокрался в каюту к уже давным-давно спящему стармеху и тихонько лёг.

Тот шумно вздохнул, дав понять, что этот попаданец снова ему досаждаёт своим присутствием, и затих.

Но когда Алёша проснулся от того, что уже облюет, и, еле добежав до раковины, опрокинул в неё виски впережку с пирожками и прочими закусками, стармех подскочил в чём мать родила и стал шумно проклинать судьбу, заставившую его согласится на этого подселенца из нижнего мира. А затем, истратив на Алёшу весь боезапас ругани, подвел итог:

— Теперь я понимаю, почему тебе сделали так больно.

— И — почему же? — спросил, умываясь, Алёша.

— Потому что ты это заслужил!

Дал какую-то тряпку, открыл иллюминатор и снова лёг спать. Пока Алёша молча мыл раковину. Соглашаясь с тем, что стармех, конечно же, был отчасти прав.

Или всё-таки — целиком и полностью?

Утром Алёша проснулся. Свежий и стремительный!

Судно плющило о пирс.

В лёгкой романтической дымке утра древнейшая земля богов расстилалась у его ног во всей своей вечнозелёной свежести декора.

¹⁰ Сказка, «Баба Яга костяная нога».

Посреди рейса им внезапно изменили порт выгрузки. И поэтому он попал не в «НИИ Гадость», как планировалось, а в «Миазмы», как усмехались, покуривая на палубе, моряки. Где была только одна автостоянка. Добравшись до которой в числе последних, Алёша увидел, что хорошие машины уже раскупили другие. Пока он стоял с одним из своих вчерашних знакомых возле судна и сомневался вслух, стоит ли им вообще туда ехать? Но в конце концов они уговорили себя скинуться на такси. Хотя бы только лишь для того чтобы посмотреть на то, что там валяется. Не просто же так они сюда почти два дня тащились?

Остались только те машины, что торчали по непомерно высокой цене. Алёша спросил у своего коллеги по несчастью, с которым он добрался до автостоянки на такси:

— Какую машину и по какой цене будет выгодно купить, чтобы потом её можно было с выгодой продать в Трои?

Так как ещё ни разу не был за границей в роли перекупщика и ничего не знал.

Они прошли вдоль сверкающих на солнце разноцветных машин, и тот, сверкая ранней лысиной, с удовольствием проконсультировал его по каждой.

— А вот эта спортивка, — сказал он предостерегающе, — вообще, тема на любителя. Её нужно брать не дороже пятисот долларов, максимум — семьсот. И то — только из-за «шарманки», — усмехнулся он, заглянув вовнутрь. — Её можно продать на авторынке отдельно за семьсот-восемьсот долларов. Но если хочешь быстро...

— Хочу!

— То за пятьсот долларов магнитофон отлетит в тот же день. Поэтому-то дилер и задрал за машину полторы тысячи, — указал он на цифры, наспех намалеванные белым маркером на лобовом стекле. — Семьсот шарманка плюс восемьсот сама коляска. Плюс пятьсот за место на судне, двести долларов погрузка-выгрузка, да пошлина. В итоге, то на то и выйдет. Если не меньше. Так что тема безнадежная. А он не сбросит. Ладно, я поехал на судно. Тут уже ловить нечего.

— Посмотрим! — усмехнулся Алёша и стал ожидать дилера. С кислой миной Банана, которая всегда помогала ему на рынке торговаться.

И терпеливо ожидать, недоверчиво пиная колеса, когда дилер подойдёт и сам начнёт впихивать свой товар. «Ведь если ты пойдёшь его искать и спрашивать, то он обнаружит твою заинтересованность и станет ломить цену. Поэтому-то и надо практиковать незаинтересованность и непривязанность. Что на рынке, что в общении с девушками», — наконец-то понял он отчима. Скорчив критическую мину. Что у него получалось уже давно чуть ли не автоматически, когда он жаждал хоть в чём-то усомниться. И рефлекторно тут же начинал сомневаться вслух, в душе благодаря Сократа. После того как сумел освоить его критический подход (вы бы сказали: развод) на практике.

«Вовлеченность выдает твою нужду! — размышлял Банан, ожидая дилера. — Которая этим себя и выдает. Превращая тебя в слугу чужих интересов. Поэтому никогда не стоит показывать свою заинтересованность в любом проекте. Иначе тебе придётся осуществлять его чуть ли не самому. Заставляя других, вовлеченных их интересами в его исполнение, этому ещё и сопротивляться. Тут же вспоминая, что у них есть ещё и другие интересы! Посторонние. И тихонько ненавидеть тебя, только и мечтая об их осуществлении. Унося от тебя вдаль. Делая тебя Посторонним. На их празднике жизни».

Уже давно убедившись в том, что когда он торговался, удача всегда была на его стороне, в шутку величая себя Гермесом! Ведь у Творца всегда получалось убеждать и через это склонять на свою сторону. А на рынке это — главное! Благодаря позитивному мышлению. И наличию позитивной энергии понимания. Заставлявшей других тебя понимать. И помогать тебе. Так уж и быть, мол. Видя то, какой Алёша и в самом деле Хороший. И даже не пытаешься притворяться. Вместо того чтобы не доверять тебе, сопротивляясь Банану изо всех сил своим изощренным умом и упрямством.

Дилер, как примчал, подошел вначале к nereиде, засевшей в чёрном универсале. Немного галантно с ней по заигрывал, видя что она уже захлопнула дверцу мышеловки и теперь никуда не денется. Всё повышая голос. А потом и вовсе что-то громко выкрикнул нечленораздельное и демонстративно махнул рукой. Обиженно отвернулся от неё и неспешно зашагал к Банану. На что та лишь с улыбкой проводила его своим всепонимающим взглядом.

Дилер неспешно подошёл и озвучил цену.

Банан — свою. И стал торговаться.

Но дилер упрямо не хотел скидывать цену, всё время тыкая пальцем в новый дорогуший магнитофон.

— Sound systems, sound systems! — повторял дилер, как заклинание, думая что до того просто не доходит. — Big price! New Wave! Very-very good systems! — всё тыкал он пальцем то в магнитофон, то в мощные колонки.

— Да хорош гудеть! — усмехнулся Банан. — Ни вэрю я в твою систэмз. Моя вэра — ка! — тыкнул он пальцем в кузов. — Да и то я уже начинаю в ней сомневаться, — заметил он, критически сморщив нос. — Как и во всей твоей систэме... обольщения.

Творец давно уже понял, что люди понимают друг друга более точно эмоционально, чем интеллектуально, как и любое животное. Да и интеллектуально ты скорее внушаешь им свой смысл в прямом общении, чем ждёшь от них понимания. Ведь, на первый взгляд, человек неспособен думать. И ты скорее пробиваешь своим тяжелым «опытным» взглядом его первый взгляд на твою позицию, чем выносишь её как предмет на обсуждение. Ведь обсуждение это область рассудка, а потому это и заставляет тебя долго взвешивать «за» и «против». А это слишком долго. И менее эффективно! А потому и нет особой разницы на каком языке ты будешь с ними разговаривать. Охотно общаясь с иностранцами на непонятном для них полу-английском, чтобы те напрягали своё внимание, уходя от своей точки зрения на вещи. И стереотипов поведения, мешающих им скидывать цену. Лишь изредка включая в свою речь английские слова для того, чтобы те более точно понимали его контекст. Более эмоционально, чем интеллектуально внушая им то, чего он от них и добивался! Небрежно входя в беседу и разваливаясь на роскошном диване их подсознания, вальяжно закинув ноги на подлокотник предпонимания. Подгоняя их сознание его обслуживать.

И Банан упрямо давил на своё, общаясь напрямую с его подсознанием, а не с ним самим. И его меркантильными интересами. Пока дилер не начал там себе рассуждать, вспоминая ещё и о себе. Забывая о том, что «клиент всегда прав!» И ты здесь — исключительно в его интересах. А потому, давай решим тут по-быстренькому, как получится, и погнали дальше. Каждый — по своим делам.

— Файв хандрит! Гуд прайс! — озвучил Банан свою цену. Ведь из общения с моряками он ещё на судне понял, что порт маленький, и приходы иностранных судов в такие порта большая редкость. Да и приход сюда их судна не более, чем оказия. Возникшая из-за того, что компания (экспортировавшая лес) неожиданно сменила порт выгрузки. Так что если дилер не отдаст ему эту спортивку прямо сейчас, то будет ждать ещё не менее полугода. И за это время она ещё просядет в цене. И то не факт, что и тогда её купят. Ведь спортивка — тема на любителя. И не каждый захочет торчать на авторынке, ожидая этого любителя. Гораздо проще купить обычную «балалайку», как они меж собой называли седаны, и быстро её продать. Первому встречному, втерев ему по ушам про бешеную популярность данного экземпляра. Ведь в торговле главное — это товарооборот, а не завышенная самооценка продавца. И как следствие — цена на товар, как его учил ещё Гоголь в своём «Тарас Бульба». Поэтому Алёша — его шанс от неё избавиться. А не сдать на металлолом, заплатив двести долларов за утилизацию.

— Май бизнес ноу саундсистэм, — упрямо повторял Банан. — Май бизнес — ка! — тыкал он пальцем в кузов. — Саундсистемз — май литэл презент, — уничижительно усмех-

нулся Банан. — Май прайс — файв хандрид. Доллар! — многозначительно поднял он палец к небу. — Амэрикан доллар!

Ведь жест есть компонент речи, а не языка. Который также есть лишь компонент речи, как один из способов её выражения. Когда ты используешь и язык тоже, как бы между делом, для того чтобы наконец-то донести до другого тот смысл, который ты вкладываешь в вещи через высказывание. Постоянно оглушая собеседника по голове своими смыслами, изначально ему чуждыми. Человек неспособен думать, обрекая себя на борьбу интересов. Где тот, у кого больше внутренних сил — Творец, тот и победитель!

В итоге, дилер поломался пару минут и, оглянувшись, увидел, что никого из покупателей на автостоянке уже нет. Наконец-то прояснив для себя его смысл: неизбежной утилизации машины. Заставив по телефону и хозяина спортвики рассматривать этот кусок потенциального металлолома как утиль. А не как хит сезона!

Кроме той самой симпатичной нереиды, упрямо засевшей в чёрном универсале чтобы подождать, пока все уйдут, и спокойно сбить цену до восьмиста. В отличии от Алёши милостиво позволив дилеру пойти ей на уступки без свидетелей. И ни перед кем не опозориться. Так сказать, в интимной обстановке. Разоткровенничавшись перед ней в универсале своей более широкой и светлой душой. И войдя в её нелёгкое положение. На двуспальную кровать в гостинице. Если он окажется жаден до неприличия! И равнодушен к её приличным манерам. Раскатав губу на компенсацию сделанной ей скидки. На которую она тут же и наступит! После того, как заключит сделку. Острым каблучком презрительной улыбки. Как она уже не раз это проделывала, умело манипулируя мужиками и тут и в Трои, ослепляя их блестящей наживкой своей искренней улыбки. Которые были ей за это только благодарны. И даже начинали её невольно любить. Пытаясь взять «на память» о своём поражении (её красотой) номер телефона. Или же отметить в ресторане покупку у неё машины. А на утро, некоторые, даже немного ей завидовать.

О чём она, по секрету, поделилась вчера вечером с Алёшей в каюте у Кухарки.

А сегодня снова многозначительно улыбнулась ему и его коллеге по бизнесу и поездке на такси, пока дилер отсутствовал на рабочем месте, оформляя машины первой волны покупателей. Предупредив их обоих о том, чтобы они на её «гнедую» даже не заглядывались. Иначе она им обоим глаза повыцарапывает! И, как бы в шутку, с улыбкой продемонстрировала им кошачьим движением свои когти. Тут же сделав серьезное лицо. Чтобы они в мгновение ока поняли, что она не шутит. Мол, дружба — дружбой, а пирожки — врозь! Это главный закон Кухарки. И пошли мимо неё дальше.

Взвесив все за и против и мысленно разделив цену пополам (мол, так уж и быть), дилер сбросил цену до тысячи.

— One thousand dollars. O`key?

Типа, ни тебе, ни мне.

— Ноу окэй, — замотал головой Банан. Но тут же понял, что если он и дальше будет настаивать на пятистах, дилер пошлёт его к такой-то бабушке и закроет лавочку. Ведь рынок — это прежде всего компромисс.

— No o`key? — откровенно удивился дилер, повысив голос. — Great price!

— Сэвэн хандрэд долларз. Энд ю литтл прэзэнт, — многозначительно усмехнулся Банан, переводя это на личное — как его личный подарок! Чтобы дилер побыстрее уже согласился подарить ему этот кусок металлолома, используя деньги как нелепый предлог к товарообмену — на его поощрительную улыбку!

— Seven hundred?! Eight hundred dollars! — отрезал дилер. — My finish price!

— Окэй, — неохотно согласился Банан, уступив его напору.

И дилер завозился с бумагами, исподлбья сурово на него поглядывая.

— You little present, — сообщил дилер с натянутой улыбкой, закинув в багажник комплект летней резины.

— Окэй, окэй! — заулыбался Алёша, расслабившись. Понимая уже, что этот комплект они также продадут отдельно. И мысленно уже потирая руки. Двойной бонус!

И дилер повёз довольного Алёшу в банк. Менять никому ненужные здесь доллары на местные деньги.

Да и не было ничего удивительного в том, что иностранцы с трудом понимали, что он им говорит. Но, к своему же удивлению, прекрасно понимая то, что именно он всем этим хотел сказать. Так сказать, под этим подразумевал. Ведь он строил предложения не так, как это было общепринято, а как строку из программы на Бейсике. То есть того самого языка программирования для школьников, которым он владел в совершенстве! И столь же совершенно искренне верил в то, что раз за основу данного ему в школе на УПК языка был взят разговорный английский, то если он будет строить фразы именно так, как его и обучали, то именно так и надо со всеми вокруг общаться. Ведь если ты строишь фразу на русском, то совершенно не важно в каком порядке твои слова будут следовать друг за другом, хоть в виде бреда обгоняя друг друга или и вовсе бессвязного лепета, лишь бы ты в конце этой сумбурной речи хотя бы и сам очень точно понимал то, что именно ты всем этим хотел сказать. И твоя полнейшая в этом уверенность помогала бы твоему собеседнику с тобой соглашаться. Чтобы его не посчитали за дурака. А то ещё и сочли за умника! Не даром в начале века была так распространена Заумь, как отдельный стиль поэзии. И все с тех самых пор в расширенном носу пытались, каждый по своему, быть заумными. И откровенно плевали на синтаксис и грамматику. А кто из них поумнее, расширив от возбуждения те самые спорадические ноздри самого Ноздрёва, то и — на семиотику, смешивая противоречивые, с виду, смыслы в один блестящий парадокс. Начиная от «задам по задам за дам» и кончая от восторга! Не смотря назад, пока Зауми с её главным «наобормотом» Хармсом ещё не было. Блуждая в тёмных переулках и задних дворах предпонимания фасада нашей повседневной речи. Тогда как иностранцы, учившие английский язык ещё в школе, мучительно перестраивали у себя в голове его слова как некий сложный ребус, пытаясь извлечь из них для себя хоть какой-то смысл. Давая возможность написанной им в их сознании на базе английских слов программе в это самое время проникнуть в их подсознание, сделать там своё тёмное дело и, как и любой вирус, замести следы. Что они расценивали как лёгкое недоумение. От его наглости! Не понимая как, вообще, можно одновременно кончить фразу на глазах у дам, и, за глаза, их робко проклиная. За эти колдовские «очи черные». И за всё то, что за ними стоит, как дистрофик — за шваброй из анекдота, для любого барина. По-холопски прячась от них в смущение восторженных междометий. И понимая уже, что Алёша говорит с ними на каком-то сугубо своём внутреннем мета-языке, пусть и на базе английского, мучительно думали, что это скорее всего они не совсем правильно с ним изъясняются. И повторяли свои фразы дважды. А то и — трижды! Боясь на него откровенно сорваться и наорать. Тогда как этот неуч и вовсе их не понимал. И продолжал упорно долбить на клавишу «ввод». Вводя в их сознание одну и ту же команду. Всё ту же и ту же. Как удав на каждом выдохе всё ту же душит свою жертву. Всё ту же. Пока не трескалось пенсне их терпения, а другое очко меркантилизма и вовсе выпадало в пух и прах, и они, внезапно прозрев, начинали с ним соглашаться. Либо программа-таки срабатывала помимо его воли, и тогда результат снова был ровно тем, которого он от них и добивался. То есть в любом случае он выигрывал. И в тупости своей не знал себе равных! Причем, всё это делал он совершенно неосознанно. Лишь после, отмотав назад, с удивлением понимал то, как ловко каждый раз у него это получалось.

Не понимая ещё того, что это местные ангелы ему в этом помогали. Реализовать старинные запасы положительной кармы. Которую Алёша тут ранее заработал, воплощаясь как кто-

либо из их местных писателей или поэтов. Книжицу которых как только кто-либо из жителей этой страны открывал и облагораживал его стихами или же витиеватой прозой свою душу, тут же звонкая монетка положительной кармы падала и в его копилку. Прекрасно понимая, что тот, кто, в отличии от него, создает дурную литературу, повествуя о демоническом и негативном, готике, хороре и другим страшилкам, создает себе дьявольскую карму. Отнимая у себя удачу!

В банке дилер потребовал с него дополнительную сумму за комиссию.

— My money. My money.

И молча повёз его дальше.

Да и произношение его тогда не знало себе равных. И ласкало слух, как опера в Ласкало. Даже в тех редких случаях, когда ему всё-таки удавалось правильно построить фразу. Пусть — случайно. Включая RND. Ведь это было, пожалуй, единственное, за что «англичанка» игриво «натянула» ему тройку в году перед выпускными экзаменами, как бейсболку — на глаза, ставя ему весь год то два, то пять. Потому что когда он читал ей вслух заученные стихи, она словно бы расцветала. И вкрадчивый трепет её восторга разливался по всему классу столь бурно, что это чувствовали буквально все ученики. Даже — на задних партах. Переставая играть в карты. Непроизвольно начиная шёпотом повторять за ним. Слова его восторженного гимна! Учитель находила в его произношении какой-то врождённый аристократизм: то восхищаясь его совершенной чисто английской артикуляцией (Уайльда); то, к всеобщему удивлению, обнаруживала какую-то скрытую мелодичность слога (Петрарки) ... и прочие восторженные эпитеты.

И когда Ясон после урока с угрожающим видом отводил Алёшу в сторону и строго спрашивал: «Как и где ты успел научиться такому произношению?!» Алёша с удивлением отвечал ему, по-дружески, что ничему и нигде он не учился, а точно также, как и он и все прочие бездари, то есть — всем классом, постоянно сбегал с её урока, делая вид, что им, якобы, сказали, что сегодня урока не будет, и стояли все сорок пять минут на гаражах недалеко от школы. Ожидая окончания урока, чтобы пойти на алгебру или физику, на которые нельзя было не пойти. Под страхом смерти! Ведь алгебру вела их классный руководитель. А физику так и вовсе — бывший директор школы. Которую сняли с поста директора школы только за то, что «в походе» один из её подопечных утонул в озере. Отбившись с двумя ещё более дерзкими подростками от остальных. Решив окунуться. А учителя, который пошёл с ними «старшим группы», так и вовсе уволили. И теперь экс-директор каждого ученика буквально «топила», опуская на самое дно за неуспеваемость. Так что Алёша был единственным, кто добровольно-принудительно выбрал сдавать у неё экзамены (и за две недели вы зубрил учебник по физике за восьмой класс, найдя его весьма занимательным) только за то, что в году эта «обижуха» угрожала ему поставить двойку за прогулы. И сдавал у неё экзамены в абсолютно пустом классе. Весьма недовольный тем, что она поставила ему четыре. А не пять. Чтобы в году, по итогу, вышло четыре, а не три. Настаивая на том, чтобы та задавала ему дополнительные вопросы! Если она не верит, что он досконально знает её предмет. Который другие ученики почему-то считали сложным.

— Я выучил все-все определения!

— Это тебе за то, что ты так редко посещал мои занятия, — впервые в жизни улыбнулась учитель физики. И закрыла журнал, давая понять, что разговор окончен.

Мол, вспомни!

— Я же всегда и везде был твоей тенью, май фюрер! А что произношение моё так нравится «англичанке» только за то, что я, как диктофон, просто читаю ей вслух эти стихи её же произношением, полностью подражая её голосу и интонации. «Слизывая» её манеру речи.

— Мол, «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку»? — дошло до Ясона.

Конечно же, Ясон тут же попытался взять на вооружение его приём. Который Алёша делал исключительно бессознательно, так как ему почему-то безумно нравилось её произно-

шение. Такая уж у него была работа — наследие чужих престолов! И пусть не сразу, но раза с третьего (или даже с пятого) Ясон тоже получил пятёрку! И не одну. «Подтянув» английский. Так что, как говорится, рекомендую!

И за оформление машины — в таможне. Раз Алёша щедрый только на улыбки. Не понимая всю сложность организационных процессов. Которые дилер изначально мысленно и закладывал в усреднённую цену.

— Customs, — настойчиво повторял дилер, протягивая руку. Думая, что до Алёши не доходит (что его разводят). — Hundred dollars. The price of customs clearance in my city. Hundred dollars! Hundred dollars!

— Да хватит уже хандрить! — улыбнулся Алёша, не разобрав на слух его тарабарщину на английском, которого он толком-то и не понимал. Но сообразив, что дилер «не мытьем, так катаньем» отрабатывает у него свои деньги. — Так вот для чего ты мне «летник» сунул! — улыбнулся Алёша, осуждающе мотая головой. И достал деньги.

На что дилер понимающе натянуто улыбнулся и молча протянул при нём деньги в окошко. Мол, не я это придумал.

Как только они отужинали, его вновь пригласила «к себе» подружка Кухарки. Которая уже не решалась пригласить его сама. Весьма смущённая тем, что у ней с Алёшей вчера так ничего и не произошло. Молча понял он: «Существенного». И попросила его сходить купить хоть какое-нибудь виски.

Алёша побрёл наугад по вечернему посёлку и наткнулся уже в темноте на автомат. Кнопки которого тускло подсвечивались. Сунул деньги, выбрал самое дешёвое виски и заявился в гости «не с пустыми руками».

Но попробовав это адское пойло, нереиды дружно сказали, чтобы тот сам и пил этот мерзкий напиток.

Заставляя его им давиться. Пока они пили свой. С романтической отдушкой. Видимо, желая отомстить ему за то, что он попытался на них сэкономить. А может быть — и за то, что у Кухарки с ним так ничего и не вышло. Когда он так и не вошёл в её затруднительное положение. На шконку. А вместо этого вышел в туалет и был столь же неотвратимо поглощён этой неизвестной науке субстанцией. Жадно проглатывавшей, отвратительно причмокивая железной дверью туалета, в тот памятный вечер одну за другой, как болотная трясина, этих холостячек. Как холостые гильзы отлетавших одна за другой в свои мечты о счастье их подруги.

Впрочем, название этой научно-непопулярной анти-материи всем давно известно. Ибо она ещё со времён Хрущёва уже поглотила всю Россию. Который её и прос... пал. А вовсе не Горбачёв, который всего лишь вытер ему задницу. Нанеся на бумагу на Мальте то, что тот вместе с ним и со-творил.

Глава 5

Доминантную установку на любовь у девушек вырабатывают социальные установки.

Алёша, наивно надеясь сделать Сфено счастливой, раз уж у него не получилось сделать таковой Сиригу, заявился в её расположение на ярко синей двух дверной «слепой» sportive с заниженной посадкой, чуть ли не цепляя асфальт большими ярко-желтыми линзами противотуманных фар. С двумя квадратными съемными люками во всю крышу и отстегивающейся от задней арки дверью. Превращая машину в кабриолет. И просто шикарной «саунд-систэмз»!

Сразу было видно, что бывший хозяин «Эксы» себя баловал. Позволяя «с барского плеча» и Алёше на этой спортивной коляске с откидным верхом иногда побаловать и Сфено.

То украдкой пробираясь «чигирями» по ночной Находке на мелководный «Китайский пляж», чтобы полюбоваться на поднимающиеся со дна друг за другом, сверкавшие в свете фар белой пеной, закручивающиеся полутораметровые мощные волны. Словно «тридцать три богатыря» из сказки Пушкина о царе Салтане. Что выходя друг за другом по каменистому морскому дну, разбивались у ног Сфено, обдавая её лицо солёными сантиментами преданности своей госпоже. Которая пришла сегодня, чтобы проверить их боевой порядок. И восхититься тем, насколько они, и в самом деле, сильны и прекрасны! Словно пешие витязи. Сверкавшие в мощном свете фар sportive своими ослепительно белыми кольчугами кружевной пены, богато расшитой бесчисленным бисером втягиваемых в мощный накат жемчужных пузырьков воздуха. Выдавая в них весьма куртуазных мальчиков! Которые невольно выходили прямо из воды, чтобы с ней позаигрывать и хотя бы попытаться очаровать её своей невыразимой у других писателей красотой и крутящимся по гальке, ракушкам, ёжикам, звёздочкам и другим зазевавшимся и выброшенным на мелководье морским обитателям изяществом. Надеясь что хоть одному из них выпадет сегодня удача коснуться её улыбающихся губ своей солёной влагой. Разбиваясь перед ней «в лепешку» о песчаное дно в поклонении неистовой преданности, словно перед богиней. Морей и океанов! Присягая ей на верность. Словно бы добиваясь если и не её руки, то хотя бы её откровенно раскрытого в этот момент навстречу ветру и морю сердца! Очарованного пахнувшим водорослями свежим весенним бризом, колытанием складок её одежды ласково касавшимся её чувствительного в ночи тела: рук, ног, развивающихся волос и осыпая воздушными поцелуями губы, шею, глаза и целуя в обе щеки. По-ильичёвски горячо! Внезапными резкими порывами. Под торжественный, словно вальс Мендельсона, накат. Посреди сверкающих в такт происходящему волшебству звёзд! Словно гигантская светомузыка. Буквально вознося её к себе, как ещё одну светящуюся от счастья звёздочку, когда Банан выключал фары и они вместе под шумную в эту ночь рапсодию моря любовались в полной темноте внезапно огромными голубовато-белыми загородными звёздами. Подымая вместе вверх руки. И возносясь, втягиваясь без остатка в этот огромный небосвод. Как Кришна несколько тысяч лет назад периодически с той или иной из своих любимых жён улетал к звёздам. И, словно галактика, «взрываясь» в её объятьях.

То на обратном пути включая на полную громкость музыку.

И неожиданно наткнулся на персеверацию былой любви. Лишь оживив её с новой силой в сто двадцать лошадей. Табун которых Сфено уже еле сдерживала в своём сердце, чтоб не наброситься на него прям в машине!

А у ней дома — включая эти и другие диски в сиди-чейнджер своего музыкального центра «Шарп» с потрясающе чистым и мощным звуком. Приобретенным им в Корее ещё до знакомства с ней. Как и другие заграничные «прелести», прельщавшие к нему Сфено. С той же силой и нескрываемым магнетизмом, как то прелестное обрубальное кольцо всевластия, которое она уже мысленно одевала ему на палец. Чтобы полностью отдаться! В его власть. Что

позволяло ему благодаря общению с Хапером, следившему за музыкальными новинками, и в этом захолуйском, на первый взгляд, городишке оставаться на самом острие исторического момента. Её восприятия. Которое он менял. Своим присутствием. При самой сути её телесного существа!

И уже через пару дней после того, как он окончательно убедился в том, что уже полностью и без остатка залез ей под шкуру, Алёша совершенно искренне спросил её, решая для себя внутреннее противоречие, до сих пор терзавшее его по ночам:

— Почему ты вначале нашего знакомства разводила меня то на сапоги, то на другие вещи? Неужели я тебе тогда совсем не нравился? Ты что, всего лишь со мной играла?

Ведь осознание этого унижения заставляло Алёшу и сейчас смотреть на неё глазами Пенфея: сквозь призму возможного развода. И не доверять ей. Не позволяя себе внутренне ослабиться, довериться и упасть уже наконец-то в озеро её всепоглощающей любви.

Благодаря женской интуиции, Сфено всё это тут же поняла и охотно ему ответила:

— Конечно играла! — улыбнулась она, облокотившись в постели на локоть и закрыла одеялом грудь. — Ты думаешь, мне легко было сразу же взять и вот так вот запросто прервать двухлетний целибат и снова начать отношения с женщиной? Ведь как только я откинулась на свободу, меня встретил мой бывший парень. И сказал, что он всё это время только меня и ждал. И жа-ждал! — усмехнулась она. — Я ему, конечно же, не поверила, но по совету Медузы решила попробовать «как раньше». Но мне это, если честно, совсем не понравилось.

— Теперь понятно, почему ты называла зону «монастырём Карамелек».

— Превращая «зону особого режима», где я сидела с Медузой, в «Зону» Стругацких. Устраивая там «пикники», пока охранявшие наш барак дубачки спали. То есть — «на обочине» восприятия охраны.

— От слова «дубасить»? — усмехнулся он.

— Ага. И поначалу я уже и на свободе всё пыталась устроить с ней «пикник». Но Медуза вышла на полгода раньше меня и уже давно нашла тут парня. Тут же сняв за его счёт квартиру. И Медуза вначале руками поворачивала мою голову в сторону парней. Постоянно повторяя, что здесь, на свободе, надо смотреть только на парней: «Чтобы их использовать. Для того чтобы они покупали тебе вещи, еду и одежду. И оплачивали твою квартиру». И периодически показывала взглядом на привлекательных, по её мнению, молодых парней, проходивших мимо. Я, конечно же, пыталась общаться с молодыми людьми, но все они были какие-то грубые и неотесанные. Но Медуза постоянно говорила мне, чтобы я привыкала. Они, мол, все такие. Поэтому-то я, поначалу, и тебя воспринимала как одного из них.

— И пыталась, в русле её логики, разводить меня на вещи?

— Так что если бы не ты, я так и продолжала бы тогда, по инерции, целибат. Но ты — это нечто!

— Так почему же ты всё это время мне отказывала?

— Ну, я всё ещё сомневалась, — призналась Сфено. — Ведь общаясь с Пенфеем, ты тоже был тогда далеко не ангел. Тем более что когда я уже почти решилась на наши отношения и повела тебя к своей прабабке...

— Чтобы она нас благословила?

— Ты же помнишь, что Кирка мне тогда сказала? Что ты меня кинешь!

— Видать, это из-за того, что я тогда плотно общался с этим кидалой. И бессознательно перенимал у Пенфея его повадки.

— И моя прабабка их прекрасно видела! — поняла Сфено.

— Ну, так что, кому из нас ты веришь теперь?

— Конечно тебе! Что за вопрос? Тем более что ты уже стал совсем-совсем другой.

— Честно-честно? — протараторил он игрушечным голосом.

— Я же не знала ещё, какой ты, на самом-то деле, нежный! — улыбнулась она. — Если честно, тогда ты был немного другой. Немного грубее и настойчивей.

— Я был ровно таким, каких вы и любите! — горделиво усмехнулся Алёша.

— Да. Но — не я, — напредила ему Сфено, закатив глаза в небо своей любви. — Если честно, ты теперь гораздо нежнее!

— Так что, теперь ты сможешь любить и меня?

— Да, — прошептала вода чуть слышно. — Спасибо тебе, что ты есть. Ты вернул меня к нормальной жизни!

— А я-то думал, что теперь ты будешь любить только меня! — надул он губы.

— И как я в тебя только влюбилась? — усмехнулась Сфено, ударив его пальчиком по надувным губам. — Ты невозможен!

— Не рассказывай, а показывай! — усмехнулся Алёша.

И Сфено стала играть касаниями губ столь же легко, как бегают чуткие пальцы по клавиатуре дрожащего, от возбуждения, фортепиано, вызывая в душе не меньший трепет. Вспоминная, как она с сестрой бесконечно трогали друг друга до глубины души, пока изнывали на зоне от заключения в безвольном упоении. Со слезами то ли муки, то ли мучительно преступного счастья на глазах.

Глава 6

Но вначале их брачным играм мешал Силен, то и дело внедряя в Алёшу на авторынке во Владивостоке курс экономики:

— Нищета — это те, кто ни-щетают денег. Они их не считают, и поэтому они у них и таут, — усмехался Силен. — Мне потому и удастся содержать Эвридику и дочку и при этом ещё и постоянно куражиться, не ходя больше в море, что я думаю тут за каждую копейку. Не покупая ничего из того, что у меня просят девушки, предварительно не заручившись их согласием компенсировать натурой мои расходы. Запомни, — поучал он, — каждая копейка, которая выходит из твоих рук, должна к тебе же и вернуться. В том или ином виде.

И своими «капитальными» заклинаниями вызывал из туманного капища его подсознания Творца. А тот, дабы избежать надвигающейся лавины чрезмерной рационализации разума, окапывался в поэзии. И случайно отрыв в себе талант археолога, кропотливо обнажал от наносов Банана, покрывшегося гигантским слоем глины разочарования в себе после потопа слёз.

«Приятно в мартовский фланелевый сезон
Первопроходцем вырядить в иероглифы следы.
Как мрачный люк, задраив комнат бастион,
Прогулкой выбрить личико души!
Руками антиквара нежить зелень трав,
Бродить, припоминая летний город.
Хотя, сорвав лохматый снежный шарф,
Земля ещё в плаще гуляет чёрном.»

Поэтому о Банане в тот период толком-то не было и речи.

Вернее, он был, но чисто механически. Даже во время секса со Сфено думая совершенно о другом. А то и — о другой. Чем лишь невольно растягивал или расцветчивал исполнение этого вечернего ритуала. Начав вдруг относиться к ней с той неистовой нежностью и благоговением, словно бы под ним сейчас оказывалась вовсе не она, а... Сиринга.

По малейшему требованию кладя своё тело на жертвенник её постели.

Не удивительно, что Сфено стала говорить тогда, что он — «чудо из чудес!» И вечерами дарила ему минуты (часы, казавшиеся минутами) блаженства. Когда садилась к нему на колени и из глаз её исходил, истаивал такой нежнейший свет неземной любви, что он уже и не жалел о том, что пустился в дразги эксперимента.

Несмотря на то, что приходившая иногда к ним в гости Анжела, откровенно завидуя Сфено в этот их «конфетно-букетный период», пыталась тут же уверить свою подругу, что это у них не всегда.

— Отнюдь. И очень-очень скоро закончится! — уверяла она. Саму себя. Непроизвольно ставя у себя в списке потенциальных любовников напротив имени «Алёша» жирную галочку.

Которую он в следующей книге непременно оживит своим сердечным теплом и превратит в живую галку.

Ну, хотя бы потому, что Анжела всегда была намного шикарнее Сфено, да и...

Да, да, что там греха таить? И самой Сиринги. Симпатичной и не более того.

И он тогда откровенно завидовал Пенфею, не понимая, какого лешего тому ещё надо от этой жизни? Ведь Пенфей был лишь жалким подобием тех, бывших у Анжелы до него по-настоящему крутых любовников, которые и помогли ей тогда своей незримой, но вполне себе ощутимой в каждом её слове и жесте властной тенью внутренне, а затем и внешне тут же избавиться от Пенфея, как только тот обрёл для себя Люси.

Поэтому в тот период, когда Алёша расстался с Сирингой, Анжелаа и не думала брать его в оборот. Откровенно считая, что на большее, чем Сфено, он «не тянет». Тем более что — задорный ранее Алёша — стал выглядеть тогда каким-то слегка поистрёпанным на пронзительно-розовых ветрах страстосферы, измотавших его до дыр. Сквозящей в глазах грусти. С каким-то пронзительным холодком. За те пару месяцев, пока она его не видела. И уже не могла узнать. Когда Анжела скорее из сострадания, по старой дружбе, дала ему новый адрес Сфено. И Алёша не вызывал у неё тогда такого наплыва желания пообщаться с ним чуть ближе.

Как теперь. И усесться к нему (вместо Сфено) на колени. Обнять его, по-настоящему нежно-нежно поцеловать и прижаться уже своим роскошным декольте к его лицу, стремясь поглотить его целиком и полностью... Как в следующей книге.

Особенно, когда она курила на кухне в окно и видела под окнами Сфено роскошную спортивку. Хит сезона!

— Нет-нет, — откровенно разуверяла её Сфено, выдувая длинной струйкой в силу среднего роста дым в форточку, не понимая ещё того, чем это для него и Анжелы, которая была выше неё на пол головы (во всех вопросах), аукнется. — Ты просто не понимаешь ещё, какой Алёша на самом деле. Безумно нежный и ласковый! Я тоже вначале этого не понимала. И смотрела на него тогда, как и на всех парней. И если бы он снова не появился в моей жизни, я, как и ты, этого так никогда бы и не узнала. Что я так сильно-сильно смогу любить мужчин!

Делая удивлённую галочку Анжелы всё жирней и живей. Заставляя эту галочку откровенно чистить пёрышки, готовясь к долгому перелету в такие невероятно тёплые уже для неё края. И, слушая восторженные исповеди Сфено, в растерянной улыбке откровенно хлопать клювом. Как бы предвосхищая уже этот божественный для него процесс. Всё ближе и плотней придвигая себя к нему на страницах следующей книги.

На страницах, которые Сфено буквально вырывала тогда из её души! Своим присутствием. Не оставляя их вместе ни на минуту! Всё ярче и твёрже рисуя у неё в ангельской головке их сюжетную линию.

Глава 8

Хотя, на сам ход эксперимента восхищение Сфено почему-то никак не влияло. Да и зачем что-то делать, когда всё и без того как нельзя лучше? Сфено впала в период интеллектуальной прострации.

Но Алёша уже прекрасно осознавал, что нельзя пилить под собой сук, на которых плотно сидишь. А потому и никогда их не корил.

Тем более что Алёша давно уже понял, что оргазм и экстаз это не близнецы-братья, как (до сих пор) все наивно думали, а взаимоисключающие понятия. И если сдерживать первые два-три судорожных спазма, побуждавшие тебя к оргазму (означавшему для тебя «конец игры» в секс), то далее секс превращается в один сплошной продолжающийся неопределённое время экстаз от соития. Который можно легко продолжать столько, сколько тебе этого захочется. Лишь сдерживаясь иногда — с замиранием сердца — на несколько долгих секунд безо всякого движения.

— Я не люблю кончать, — с улыбкой объяснял он Сфено, замирая на ней на пять-десять секунд. — Не шевелись пока. Кончает тело. Дух — бесконечен!

А так как Алёша любил делать это исключительно под музыку, с успехом заменявшей ему алкоголь, то он, перед тем как вставить, вставлял в свой музыкальный центр две кассеты, в котором вместо реверса был довольно-таки странный механизм, в результате которого после того, как проигрывала одна сторона кассеты, включалась другая кассета. Продлевая их транс от соития ещё на сорок пять минут экстаза. И когда обе стороны доигрывали, приходилось прерывать соитие, вставать, переворачивать обе кассеты и заниматься сексом до тех пор, пока те так же не доиграют. Что было крайне неудобно. И не особо-то и приятно, так как разрывался транс. И нередко, чтобы не вставать через полтора часа, приходилось заканчивать секс в полной тишине. Что даже по ощущениям было уже совсем «не то».

Не то что под музыку, впадая в транс популярной тогда группы «Еллоу». Так что он нередко вставлял диски в сиди-чейнджер на три диска, в котором они последовательно двигались по кругу, и занимался со Сфено любовью до тех пор, пока ей это совершенно не надоело. И она не начинала демонстративно смотреть в потолок. Ожидая, когда же он уже, там, наиграется с её телом? И наконец-то закончит это «бытовое насилие». И, как и любая гамадриада, из вредности лежала под ним бревном.

Пока пластиковые шестерни поворотного механизма сиди-чейнджера через два-три месяца не поистерлись, и тот не стал заедать. И на радость правозащитникам им приходилось пользоваться исключительно кассетами. Переворачивая их лишь по обоюдному согласию.

Так что — рекомендую! Не увлекаться.

«Быть может, половой.

А может, и не акт.

Быть может, это служка.

А может, просто — орган.

Иль доска половая.

Иль девка, как доска.

Но тоже не плохая,

Когда совсем близка.

Хотел бы на кларнете.

А лучше — на кровати.

Но — на пиле пиликаю

Я польку половую.

Под флейту флоризеля
С пьянящим фортепьяно:
Кривых кровей квартетики
За актики напольные.
А может — накроватные.
Под скрипку тихих вскриков
Сопящего сопрано.
И словно музыкальные,
Разбиты по-на-четверти.
А может — по полам.
Как и кровать двуспальная.
Где чувство было вытерто,
Как и простынка сальная,
Семейной жизнью мытарной
С дерьмом напополам.
Я на пиле пиликаю
Вам польку половую.
Пила — не контрабас.
И зубья режут пальцы.
И звуки режут сердце!
И дико чувства сушат.
И тихо душу душат...
Я сухофрукт, я — мумия!
Мой дом, отнюдь, не студия.
Пила — не контрабас.
Но я сыграл, как мог, для вас!»

Алёша сочинил это ещё в первом рейсе, пока изнывал от избытка мужского начала и мечтал о сексе хоть с кем-нибудь! И теперь с усмешкой наблюдал, как это «с кем-нибудь» наконец-то осуществляется.

Да так, что когда Сфено поняла для себя, что Алёша теперь полностью ей доверился и наконец-то уже не просто залез под шкуру, но и вошел в неё весь целиком, так сказать, со всей душой, как в некий прохладный грот, который он сумел-таки отыскать для себя в этой платоновской пещере абсурдного бытия, периодически утопая всем своим израненным Сиригой сердцем в подземном озере её кристально чистой любви, заживляя бальзамом её восхищения свои душевные раны, Сфено начала ему не менее откровенно жаловаться на свою судьбу.

И однажды вечером, со слезами на глазах, рассказала ему после секса про своё досадное заключение в сырые стены монастыря.

— Только за то, что я просто вынуждена была отомстить своей соседке! Понимаешь? Которая после ссоры со мной при всех своих подругах из бурситета высокомерно обозвала меня лошицей. То есть — ни за что ни про что! Представляешь? Пустяк! Но моему адвокату так и не удалось переквалифицировать это дело даже в «мелкое хулиганство» Казалось бы, обычная ссора на бытовой почве! За которую я должна была, по идее, отделаться мелким штрафом. Если бы не злая судья, эта старая не довольная жизнью карга. О, время! О, нравы! — взывала она к справедливости, будя в нём Верховного Судью.

Который тут же всеми силами своей души встал на её защиту. Как истинный джентльмен! Ну, не мог же он допустить, чтобы при нём обидели даму? Тем более уже — даму его сердца.

Поведав ему с таинственной улыбкой, облокотившись о подушку, что уже через месяц, когда её соседка расслабилась и обо всём забыла, наивно думая, что та проглотит обиду и спустит ей это дело с рук, она пригласила её, по-соседски, на день рождения Медузы. И как следует (из дела) напоила её шампанским.

А когда у соседки начал заплетаться язык, они стали с ней заигрывать. И так дико её возбудили, что им удалось постепенно, пока одна из них её ласкала, засунуть ей одну из выпитых ими бутылок. Лаская пальцами её источник нежности, пока та на всех парусах куда-то плыла и плыла, подхваченная горячим ветром нежданного от них счастья.

И неожиданно резко её разбить другой бутылкой, чтобы та не смогла её вытащить. И ударить по лицу кулаком.

Заставив соседку вздрогнуть и внутренне сократиться, вскрикнув от боли. Не понимая: «Куда я попала?»

С каждым ударом по лицу напоминая соседке:

— Такими словами нельзя бросаться! — удар Сфено.

— Особенно — в наш адрес! — удар Медузы.

— За «базар» надо отвечать! — удар Сфено.

— По полной! — удар.

— Ты всё поняла? — удар.

— Да-а...

Удар! Удар! Удар!

Заставляя соседку понимать их слова всё глубже и глубже. Пока они мучительно долго и досконально доказывали ей, истекающей кровью, что слова не должны расходиться с делом! Закрепляя каждый аргумент очередным ударом по лицу. Заставляя внутренне сокращаться. Пока морально её окончательно ни раздавили. Заставив полностью согласиться с тем, что это сугубо её вина.

— Повтори! — удар.

— Моя... — еле шевеля губами.

— Не слышу! — удар.

— Моя! — утопая в слезах.

Затем помогли избавиться от бутылки, умыли и отправили восвояси.

— А потом соседка «сняла побои» и пошла писать на нас заявление в полицию! — решила «добить» его Сфено. — За свой же косяк! Прикинь? И нам впаяли по целых два года! По её вине.

Алёша внутренне содрогнулся от пережитого ужаса и лишь заметил:

— Тебе ещё повезло, что ни я тогда был вашим судьей, а та карга. Иначе вы у меня вообще никогда не вышли бы!

И со вздохом понял, что судьей с такими демонессами быть совсем не просто. В этом Аду. И он, пожалуй, уже не смог бы им быть. Слишком уж он стал чувствительным. С тех пор. Хотя, возможно, с годами «и это пройдёт».

Сфено отшатнулась, в недоумении на него посмотрела и спросила:

— И что, я должна была спустить ей с рук это публичное оскорбление? Она же меня опозорила. Перед всеми!

— Ну, не издеваться же над ней. А тем более — так!

— И что же я должна была, по твоему, делать? — встала она в позу. Ощетинившись, словно кошка. — Я-то была тогда одна, а она — с подругами.

— Ну, оскорбила бы её в ответ при всех. Ну, или... по морде б дала. Да и делов-то. Пусть бы все её подруги убедились в том, что ты реально крутая!

— Нет, — твердо сказала Сфено. — Я никому не позволю так себя оскорблять. Даже тебе!

Не желая признаваться в том, что она тогда просто «съехала» перед басотой соседки, реально почувствовав себя лошицей. За что, каждый день это в диалогах с Медузой себе накручивая, через месяц и отыгралась. Со всеми «накрутками». На изначальный ценник погранных соседкой ценностей.

В отличие от Пенфея, который предпочитал взрываться тут же, без всех этих накруток, сводящих нас с ума.

На что Алёша лишь в недоумении покачал головой:

— Люди постоянно пытаются найти виноватых. Но вина вообще не важна! Само наличие конфликтной ситуации призвано показать тебе только твою проблему. Орудие возмездия, через которую бытие тебе это показывает, не так важно. Вместо него придёт другое. Необходимо устранить причину. Только тогда следствие станет невозможным. В любой ситуации виноваты оба. Бьют — устранись из негативной среды. Или исправься и стань сильнее! У тебя всегда есть выбор. Но все ноют и ищут виноватых. Так легче. Стать нытиком. И попасть в ад. Домашний самодельный ад, который всегда с тобой — твоё же несчастное сознание. Внешний Ад — лишь следствие. Чтобы тебе это наглядно показать.

— Пусть и — в конце жизни, — усмехнулась Сфено. — Если до тебя это так и не дошло!

Так ничего, по сути, и не поняв. Что она уже в Аду. Снова пережив в этой своей реальности на собственной шкуре то, за что её на эту планету-тюрьму и сослали с планеты Высшего типа. Но уже — с другой героиней её исторических событий. Ведь история каждого действительно ходит у нас по кругу — со всё новыми актёрами, которые в силу их низкой кармы уже вполне заслужили то, чтобы быть у нас на вторых ролях в пьесе, в которой мы каждую жизнь снова и снова тут играем. Наивно думая, что мы тут живём в первый и последний раз! Вытаращив глаза на этот «дивный новый мир!» Якобы. А на самом деле — гоняя по кругу одну и ту же Сказку про белого бычка. Какими мы, в силу духовной Слепоты, самим себе тут кажемся. Но так никакого Урока для себя из этого и не сумев вынести.

Как Сфено, которая каждую жизнь решала тут, что во всем виновата её (очередная) соседка, а не она сама.

Как и то, насколько жёсткую пародию на знаменитую «Битву в кальсонах» они устроили. Как любил шутить Хапер после «Битвы» с Шотландкой. И не подозревая о том, какую «свинью» контекста Сфено и Медуза им подсунут.

Хапер, как и Алёша, смотрел на мир как Художник. Но и он даже не улыбнулся, когда Алёша во время очередного литературника ему об этом рассказал. Не желая подтягиваться до их уровня. Даже — в мыслях! Оставив Алёшу самого всё это тут описывать.

А когда через пару дней, когда они вышли подышать весенним воздухом, Сфено снова, заручившись его полной поддержкой подруку, совершенно искренне и очень трогательно поведала Алёше ещё и о том, как она долго-долго плакала в свою подушку, буквально давясь по ночам слезами, чтобы этого никто в монастыре не слышал, и никого из карамелек не хотела даже видеть, когда через полтора года отсидки ей так и не удалось выйти раньше срока по условно-досрочному освобождению, вслед за Медузой, снова и снова вспоминая о том, как её «зарубили» на комиссии эти жестокие тётки, и она прямо перед ними тут же разрыдалась, упав на колени, всё ещё умоляя их её простить...

В Алёше вскипел Банан. Но лишь усмехнулся ей в лицо:

— Да какая тебе нах... условка? — ударил он её матом, как в пионерлагере — подушкой.

Чем поверг Сфено в глубокий шок. Резко став для неё Плохим. А она для себя — Хорошей.

— Сухой чурбан! — лишь ответила Сфено, резко насупившись. Навсегда отбросив его от сердца!

Почти на сутки.

Ну, и... пару дней после этого даже не пыталась с ним заигрывать. Ни то что — спать. Куда ж без этого. Не могла же она позволить так себя оскорбить? Даже — ему!

Глава 9

Сфено так и не поняла, кем она снова явилась в жизнь Алёши. Она явилась на крик отчаяния и разочарования в жизни! Ибо он спросил...

Нет, Алёша искренне вопрошал Сириngu, когда они в снегопад решили посидеть на качелях во дворе её дома (с бутылкой ликёра в руках, перед тем как идти к соседям) и обо всём поговорить:

— Ведь мы никогда теперь не расстанемся? Обещай! Чего бы ни случилось! Чего бы ты обо мне ни подумала. Даже — случайно.

И Сириnga с улыбкой ответила:

— Ну, конечно же нет, глупенький. Теперь я с тобой навсегда!

И она... Она солгала. Глаза в глаза. Ей просто не хотелось ему отказывать. Да и не могла она. Таков сценарий всех взаимоотношений влюбленных в начальный период. Тем более что он откровенно добавил тогда:

— Потому что иначе... я уже просто не смогу без тебя жить!

Ведь Алёша тогда всё ещё верил наивно в произносимые всеми вокруг слова, недопонимая их конкретного смысла. Что слово «всегда», например, есть ни что иное как неопределенный период длительности с установкой на непрерывность. То есть то, что в любой момент может неожиданно, вдруг, прерваться и исчезнуть практически без следа. Если изменится установка. Как, например, её установка на брак с ним. Изменив его реальность до неузнаваемости! Перекрутив его, как кусок социального мяса, через мясорубку последовавших вслед за этим событий.

Видимо, ей понравилось быть Мечтой. Да, соблазн велик. И как типичная Ева, Сириnga повелась, вкусила в плод мечты и... Родила Сфено.

О чем та впоследствии постепенно догадалась. И потихонечку, день за днем, стала выжимать свою любовь, как сводят татуировку. Кислотой страданий.

Не понимая, что Алёша в глубине души всегда оставался панком. Помогавшим ему адаптироваться к грубости и неказистости современных обитателей его социального мира — типичных полуживотных. Так сказать, слететь на землю. Став циничным Бананом.

Где оказия с Сириngой явилась ему лишь наглядной иллюстрацией о тщете потуг в сферу бранных благ. И красоте иллюзий по этой части. И он, как поборник прекрасного, с удовольствием поиграл «в счастье». И как только был изгнан из этого «рая», вернулся к потреблению мяса.

Чему его новое (хорошо забытое) мясо было только радо!

Очевидно, в задачу Высших Сил вовсе не входило сделать его счастливым. «Довольным бургером», которых так презирал Ницше.

Как и в задачу Низших. Которые хотели, отлучив его от Сириngи, заставить думать. Что он сделал что-то неправильно, не то. Не так. И попытался всё исправить, включив мозги. Найдя себе для этого другую натурщицу.

Точнее — подопытного. Справедливо полагая уже, что на таких антисоциальных элементах, как Сфено и Медуза, вполне допустимо проводить любые социальные опыты.

Тем более что в конце их совместной со Сфено сказки Алёша действительно хотел сделать и её и себя по-настоящему счастливыми!

По-настоящему. То есть — опытным путем. А не тупо мечтая об этом, заводя семью, как все обыватели.

На самом же деле выйдя из одной кабинки в «чёртовом колесе» сансары и тут же войдя в следующую. И так далее и тому подобное. Как делают все. По нисходящей. Пытаясь снова подняться, проникнув в зону её «объективной искренности»*, вверх, замирая от восторга. И любуясь вокруг на такие необычайные с этой «высоты» окрестности.

Как он делал это ещё в детстве, когда реальное «Чёртово колесо», установленное на вершине одного из столь многочисленных в их городке холмов ещё работало в «Парке отдыха». Спускающегося всевозможными качелями и детскими площадками по пологой низине этого холма.

Не понимая ещё, что все девушки, по сути, одинаковы. Как и качели. И лишь пытаются вскружить тебе голову. И в этом опьянении от гормонального восторга собой заставить немного по-другому смотреть на мир. Посредственностей и идиотов. И чем чаще ты с ними зависаешь, мысленно поджимая ноги, как бы отрывая себя от земли, тем быстрее проходит восторг от взаимодействия. Пока ты окончательно к этому ни привыкнешь. И уже даже с Королевами лишь продолжаешь устало шлепать босыми ступнями по земле-матушке. Едва касаясь реальности.

А не использовать разрыв сурового полотна души на кресте внезапно отвергнутой любви для того, чтобы заставить себя и вовсе отказаться от мира и продолжить трансформацию. Которая самопроизвольно в нём запустилась от любви к Сиринге. И лишь продолжилась — после их разрыва.

Но Алёша не понимал, о чём это они, эти Высшие, о которых он мало ещё что знал. А поэтому и предпочёл метнуться из одной крайности — в другую. Чему другая была только рада! Распахнуть свои объятия.

Никак не желая понимать, что его Сказка вовсе не о том. И не о той. И не об этой. А о той, что всегда была внутри него, являясь истинной причиной сказочности его восприятия. Что его изящная графиня, о которой пытался донести ему ещё Н. Гумилев¹¹, «та, чьи взоры непреклонны», его Изольда (Изо льда), всегда была в нём самом. Отражение которой он и пытался отыскать в глазах других, наивно ища её повсюду вовне. Как и герой стихотворения этого великого поэта, так и не сумевший понять, что богиня, перед которой он держал ответ, всегда уже была у него внутри, его анима. Которой он и должен был хранить верность, по замыслу поэта. После того, как до него самого это наконец-то дошло. И строго вышло к нам навстречу с немим укором каждому читателю через его божественные строки.

Алёша ощущал внутри себя эти слабые шевеления, но за отсутствием компетентной информации по этому вопросу трактовал это в духе Юнга: как бессознательную жажду обрести семью. Ну, или хотя бы — девушку. Ошибочно воспринимая эти проявления сверхсознательного, как отголоски инстинкта размножения — бессознательного. Ведь он наивно полагал тогда, что тело — это лишь мыслящий кусок мяса, как научил его Декарт. И наивно пытался расширить его возможности, превращая себя со Сфено в универсальную машину страсти.

Ну, а то, что на Луне сидели какие-то чудаки, как и то, что именно в полнолуние архидемоны — хозяева этой планеты — усиливали какое-то деструктивное излучение, дабы людям была дана возможность отдыхать от своей рациональности, на некоторое время впадая в лёгкое неистовство и иллюзорность (что отражалось ещё с древнейших времён как противостояние культа Аполлона и его антипода Дионисия), так об этом уже давным-давно и без затей ему поведал ещё Булгаков в своем «Мастер и Маргарите», описав весьма скромный образ жизни будущей цивилизации в негативном ключе для большей привлекательности таких наивно-демонических, деструктивных по сути своей созданий, как все населяющие данную планету люди.

¹¹ «Он поклонялся в строгом храме...»

И Алёша очень часто замечал на себе это излучение. И улыбался. Что отчасти находил даже полезным для тренировок — тренажёром для закалки духа.

И вполне понятно зачем. И даже — почему. Ведь только так можно сбить с пути истинного духовно стойкие натуры. Одной из которых был, к примеру, тот же Гоголь, ни в какую не желавший даже дружить с девицами. Ни то что — размножаться! Подробно ознакомив своих читателей в научно-фантастическом рассказе «Вий» с тем, как женщины самым отталкивающим образом «ездят» на мужчинах, причем не только у него в рассказе, но и (взлетая над местом действия в первой сцене) по всему белу свету! И с тем, какой участи — по его мнению — они за это заслуживают, когда садятся «на посадку». Ему на шею. Внушая мужикам свои отвратительные (главного героя) иллюзии!

Чтобы даже такие, как Гоголь, сами того не понимая зачем, оставили ещё и материальный след на этой планете. Чтобы генофонд её жителей состоял уже не только из приплюснутых к земле коренастых Собакевичей, ленивых Обломовых и недоверчивых Базаровых, но ещё и — из небожителей. Пусть даже и — хаотично с ними. То есть — со спешно выбранными для этих целей случайно подвернувшихся, под горячую «руку», изнывающих от скуки девиц. Поразив их воображение. А затем и — самих девиц. Непонятно для самих творцов новой жизни совершенно уже неконтролируемым напором своего — внезапно возбужденного — к ним интереса!

Поняв и то, что «голодные духи» являются к людям во сне в виде соблазнительных девиц, подстрекая их на сексуальные переживания, пока те во сне не могут критически оценить данную ситуацию и развеять внушения, увидев, что это за метровый таракан или уродец — на самом деле мужского пола — тут пытается десублимировать их энергию в похоть и напрямую поглотить, впитывая её, как губка: есть поборники «лунного культа». Действуя подобно луне, поглощая для того чтобы «сиять» его энергию («солнца»). Образно выражаясь, «слетают с луны». То есть охотятся на «мясо», пока планету освещает луна, а не солнце. Выпивают твою «кровь». Под которой ещё у древних метафизиков подразумевалось ни что иное, как квинтэссенция самой жизни. А по-нашему — психическая энергия организма. Проведя прямую взаимосвязь между обладанием тобой энергии духа, что появляется в нас посредством сублимации, укрепления силы воли, усиления мыслительной активности или ещё как одному (или другому) богу известно и своей высшей сущностью. Проявляющейся в тебе только в том случае, если трансформированной энергии для её проявления в твоей повседневной жизни уже вполне достаточно.

Почему обыватели и не замечают в себе никаких возвышенных проявлений, что вынужденно своей нищетой духовной «молотят на холостых». Работая на грязном мазуте. А не на чистейшем высокооктановом топливе! Не пропуская каждый день свой «мазут» через сепаратор: духовного культуризма, самонаблюдения, сублимации или той же вечерней рефлексии, подводя итоги дня.

Глава 10

Постепенно Сфено так привыкла к его присутствию в кресле у окна с книгой, что почему-то решила для себя, что теперь-то уж точно он от неё уже никуда не денется. И принялась его легонько «покусывать», то и дело указывая ему на его же ошибки.

Алёша нашел это не только весьма забавным, но и весьма странным. А потому и стал смотреть на это её поведение глазами Странника. Который задержался тут, на аэродроме, для дозаправки. Из-за непогоды. У него в душе. И он только из-за этого пока (но только — пока) не мог взлететь. Но, впрочем, уже готовый сорваться куда глаза глядят, чтобы пока что побродить и понаблюдать окрестности. Окрестив её этим Взглядом.

Но и эти «Странные мгновения» её не успокаивали. Ведь Алёша не вставал в позу и не уходил от неё каждый раз, давая Сфено возможность и время пожалеть о случившемся. И заставить её действительно тебя ценить. Невольно сравнивая тебя — в неожиданной тишине — с другими. Которые не шли с тобой ни в какое сравнение.

Ведь только убегая от кого-то, ты не только привлекаешь к себе его повышенное внимание, но и, таким образом, рефлекторно заставляешь его тебя догонять. Это инстинкт охотника. Превращая отношения в некую игру: пятнашки. В которые твоя половинка будет играть тем охотнее, чем меньше она этого осознает. Что для тебя это лишь социальная игра. А не её джунгли. Даже если для тебя это пока ещё так и есть на самом деле. Хотя ты уже неплохо разбираешься в инженерной психологии и социологии. Но не стоит себя выдавать. Иначе она перестанет воспринимать тебя всерьез. И охотно тебя отпустит. В небо твоей завышенной самооценки. Чтобы запинать тебя, как только ты устанешь «парить в облаках» и снова спустишься на грешную землю. К своей грешнице. Терпеливо ожидавшей тебя внизу.

И через пару дней Сфено, осознавая, что для неё это палка о двух концах (Бодром и Угрюмом), и ещё неизвестно, какой из них окажется лучше, собравшись с силами снова шла в атаку.

Алёша, естественно, со всем соглашался, но все равно пытался её образумить. Уже терпеливо объясняя ей, когда заканчивалась вторая кассета и Сфено не знала во время секса чем себя занять, не давая ей разговором улизнуть из под его возбуждённого интереса раньше времени:

— Проблема бытовых трений не в разумности или же, наоборот, необоснованности предъявляемых друг другу требований и указаний на конкретные недостатки и недочеты. А в том, что ты уже наказываешь и меня и саму себя, отравляя и меня и свою психику тем негативом, который ты невольно испытываешь. Замечая то, что я делаю что-то совсем не так, как по твоему убеждению более рационально. И в общении со мной невольно усиливаешь это свое недоумение до невиданных размеров. Для того чтобы тебе было легче до меня это донести, сломив мою оборону. Тебе самой разве не неприятно это делать? Лишь ещё больше негодуя, если я пытаюсь уйти от ответственности. Не придавая данному событию особого значения. Переводя нравоучение в конфликт. Что, безусловно, в силу разности мировоззрений и сложившихся у нас привычных отношений к вещам и способам их эксплуатации практически неизбежно. Пока мы либо не притрёмся друг к другу, либо, если мы и без того друг друга уже не особо-то и ценим, в один прекрасный (уже потом) для нас обоих момент, не поссоримся окончательно.

— Так и как же нам этого избежать? — спросила Сфено, подталкивая его снизу к ответу. Понимая из его слов, что Алёша её, честно говоря, уже не особо-то и ценит. И может использовать её придирки для того чтобы в любой момент обострить их отношения и свалить.

— А как ещё, как не подшучивая? — усмехнулся Алёша, подавая ей положительный пример. — Чтобы это и быстрее и легче до меня дошло.

— Ну, а если мне уже не до шуток?

— Так в том-то и дело, что ты должна научиться отстраняться от ситуации. И использовать гиперболу не в бытовых, а в сугубо художественных целях. Рассматривая ситуацию как бы сверху, столь же отстранённо и равнодушно. Где сама возникшая ситуация — лишь повод для проявления твоего остроумия и литературного таланта. Давя на меня не силой своего характера или негативной реакцией на мою ошибку, а силой художественного образа, втиснутого в шутку. Которая проникает прямо в подсознание! Заставляя меня изнутри самого же себя изменять свое поведение. Минуя внешние раздражители в виде гнева или страха получить по заднице! Именно это и преобразует рассудок в разум. Самым чудесным образом трансформируя жизненный опыт, получаемый нами от словесных битв, в мышление. Ведь ты, изначально, пытаешься открыть мне глаза на мою же ошибку. Не так ли? А не добиваешься того, чтобы я их закрыл и резко от тебя отвернулся. На прощанье вслепую треснув тебе по шее!

— И что, — растерялась Сфено, замерев под ним, — ты сможешь меня ударить?

— Я? — удивился Алёша. — За кого ты меня держишь? Ты забыла, что я истинный джентльмен? Это будет зависеть уже не от меня, а от твоей настойчивости! — усмехнулся он, потрясая кулаком, как отчим. Для наглядности.

Сфено, естественно, соглашалась с ним. Чтобы даже случайно не получить по шее. И на некоторое время успокоилась.

Но буквально через пару дней всё повторялось снова. Ведь реагировать уже привычным образом на чужие недочеты и промахи всегда намного проще, чем напрягать свой мозг и что-то там такое, эдакое, выдумывать. Что может и не сработать. Особенно, если ты не особо-то и умна.

И эта вот её нивкакуйная невлиязаемость и обрекла его на пуск хода эксперимента не по той мягкой суглинистой дорожке, что выстелил для неё Алёша. И которая, как выяснилось, оказалась не жизнеспособна, залежавшись в сфере идеалов, и потому потерпела фиаско. А по более ухабистому торному пути — методом «от противного», перейдя под патронаж Творца. На котором уже невозможно было вскрывать залежей идеальных форм. «Противное» путешествие по которому не сулило Банану ничего хорошего. И как подковы, теряло свои кавычки.

Но работа есть работа. И Банана просили помолчать.

Сфено только молча, открыв рот, удивлялась, когда Алёша начал говорить ей после этого, что любить её для него работа. Он отвечал её немому удивлению на языке глухонемых: «Я не люблю тебя произвольно, как все влюблённые. И поэтому мне приходится это исполнять, как некий магический ритуал, вызывая дух любви изнутри нас самих в наши взаимоотношения». И потому, сколько бы она его не спрашивала, ей так и не удавалось разгадать его колдовские пассы.

В «волшебный» язык которых весело посвящал Алёшу во время работы грузчиком его напарник Орест, периодически ругаясь жестами. Дабы не сдерживаться (создавая «внутренний конфликт»), но и во весь голос не орать на начальство, которое могло его за это наказать рублём. С самого своего рождения вынужденно проживавший в доме, специально выделенном в советское время для глухонемых. К радости матери родившись вполне нормальным. В отличии от брата. Что пошёл в отца и забрёл в глухой типик. С которыми Орест просто вынужден был общаться. А если не сразу понимал, то — получать по шее. Как и со всеми другими детьми. Большая часть которых во дворе отчаянно жестикулировала. В том числе и — по его телу. Постепенно дав ему понять, что самый лучший язык общения с людьми, моментально устраняющий любые недопонимания, это рукопашный бой. Или вы думаете, почему именно мастера кунг-фу постепенно становятся ещё и духовными Мастерами? Обретая гармонию. Именно потому, что их уже никто не сможет побить, всколыхнув механизмы глубинного самоунижения и прочие комплексы неполноценности, которые европейцы вынуждены

глушить таблетками. Не решаясь записаться в спортзал. И «порвать» там всех! Колотя спортивную грушу.

И просыпаясь, даже не открывая окон, Орест сквозь стёкла сразу же понимал то, о чём там соседские дети «дерут горло». За пару минут отрешённого ещё флегматичного созерцания вводя его в курс дворовых событий. И имея уже что им сказать, распахивал окна. Своей души!

Вполне естественно, Творец не хотел, чтобы Сфено даже догадывалась о том, что помогает ему своим несносным поведением писать книгу. Всё сильнее надавливая не на него, а, в итоге, лишь — грифелем на страницы. Его текста. Ведь для Творца (да и для Алёши, поскольку она всё ещё не являлась элементом прекрасного) Сфено могла быть нужна только для этого. А Банан тогда толком-то не имел ещё голоса и нередко фальшивил, пытаясь вытянуть с ней ту или иную октаву постельного гимна. До конца второй кассеты.

Узнай она свою остаточную служебную функцию, Сфено наверняка тот час перестала бы ему позировать. Идеализируя себя под ним.

Да и кому охота жить с художником, для которого ты не более, чем персонаж? Для которого не только твои восторги, подобострастные улыбки и ужимки, но и все твои душевные муки, страда страданий, ревности и боль разлуки — элементы прекрасного? Рассматривая тебя как персонаж разворачиваемой им композиции, он, поворачивая сюжетное русло (уже — сознательно!) в нужную ему сторону, не задумываясь причинит и тебе и себе боль. Испытывая и от твоих и от своих же собственных слёз лишь эстетическое удовольствие. Как у дверей Сиринги. Наблюдая и себя и тебя абстрактно, отчуждённо: со стороны непреходящих ценностей.

Художниками становятся не из-за какой-то особой восприимчивости, как думают все. А — из-за особого восприятия. Приобретённого у искусства навыка смотреть на мир, как на полотно. Или вы думаете, из-за чего это Рэй Брэдбери заставлял своих «пожарных» сжигать книги? Когда и сам всё это наконец-то понял. Но так и не смог смириться!

Пока не дописал роман «451* по Фаренгейту».

С тем, что и он тоже, оказывается, со-Творец мира. И т-варил после этого только «вина из одуванчиков». Разочаровывая своих фанатов, привыкших к чему покрепче. Заставив и Алёшу всю его юность сидеть в своём «кресле для путешествий во времени», которое сам Брэдбери, как известно, позаимствовал у Набокова из его «Дара». То есть — задарма.

Или всё же Набоков — у Брэдбери? Под предлогом эмиграции уехав для этого в Америку.

Или оба они просто-напросто таскали его туда-сюда (в голове у Алёши), пока и он тоже не прикупил себе подобный же экземпляр для путешествий во времени и пространстве на «литературном развале» былой культуры. И влез к окну. И сидел там «до посинения», как считал отчим, уткнувшись в книги. Но на самом деле...

Глава 11

Существо в глубине души ранимое и скрытное, Сфено не спешила выворачивать наружу свою субъективность. Но генетическая тяга к водке и болтовне создавали симбиоз, необходимый для проникновения в её сущность.

Так, когда они из-за отсутствия ночного транспорта и лишних денег шли домой по весне пешком вдоль понатыканных фонарей с дня рождения её двоюродного брата, старшего её всего на один год, Алёша вдруг с удивлением обнаружил решительное несогласие собственной администрации с вероломными действиями её профсоюзов, испытывающих огромное социальное воздействие массового сознания. Реальная до кончиков ногтей, Сфено была дитём улицы. И мостовая её, как Гавроша¹², питала своей шумной энергетикой, превращаясь из мостовой в подмостки. Тогда как Алёшу, ежели б не привитые в детстве якоря комплексов, тут же унесло бы от неё первым же порывом чувств. Будь он способен их проявлять столь же непосредственно, как Пенфей, мгновенно высвобождавший энергию в воздушный шар своей ветреной натуры.

— Ну, почему ты не можешь меня просто любить такой, какая я есть? — наивно спросила Сфено, демонстративно опустив руки. После того как Алёша снова начал «пилить» ей мозги. Заговорив о самоограничении в потреблении пищи, которые почему-то ассоциировалось у ней в голове с диетой.

— Любить тебя такой, какая ты есть? Сейчас? — удивился Алёша, оторопев от её надувной наивности. Буквально раздувавшей ей щеки.

И ещё раз внимательно посмотрел на это одутловатое существо с ломкими камышовыми волосами в виде карэ-йского нимба с расчетливым неглубоким взглядом на босу ногу на бесформенной кляксе лица. Которое Алёшу, с его художественным чутьём, впоследствии не раз тянуло дополнить размашистым мазком свинцово-серого... утюга.

— Всегда! — попыталась Сфено поставить его на место.

— Так я и хочу, чтобы ты стала той, что и была Всегда. Мы можем любить только того, кто стремится к совершенству, — обескуражено пролепетал он в свою защиту. — Чтобы любить в нем, пусть в будущем, самое совершенное существо. «Снимая» его невзрачное настоящее за его мимолетностью. Как милые ошибки ребёнка. И сжигая для себя его неказистые фиксации привязанностей как черно-белые фотографии его оценок во всепоглощающем пламени совершенства.

— Совершенства? — смялась она.

— Именно совершенный образ на базе тела человека и именно его проявления в текущих жизненных ситуациях и побуждает нас любить, — продолжил Алёша уже смелее. Охотно делаясь с ней выводами, которые он сделал из уроков своих отношений с Сирингой. — Причём — не тебя саму, а твою самую совершенную актуализацию!

— Не меня саму? — растерялась Сфено.

— Необходимо хотя бы пытаться быть совершенной. Во всех без исключения жизненных ситуациях! Так что любить тебя такой, какая ты есть сейчас и хотела бы и оставаться, ни как над собой не работая и не к чему не стремясь, я не только не могу психологически, но и, честно говоря, не особо-то и хочу уже даже физически, — демонстративно посмотрел он на Сфено. — Поэтому если ты не захочешь меняться, и не только физически, но и — прежде всего — духовно, то мы рано или поздно расстанемся. И чем больше ты будешь настаивать на том, чтобы я просто любил тебя, тем быстрее и проще для меня это произойдет. Понимаешь?

— А ты думаешь, ты один тут такой умный? А я, по твоему, вообще ничего не понимаю?

¹² В. Гюго, «Отверженные».

— Да какая разница, что ты там понимаешь, — усмехнулся Алёша. — Ты ровно та, что ты делаешь. Только потом уже переосмысливая происходящие с тобой перемены. Мы переоцениваем мысль. В этом основной порок нашей цивилизации. В которой именно культура обучает нас тому, как именно надлежит нам поступать. Постепенно формируя нашу божественную поступь.

— Зачем ты надо мной издеваешься, заставляя худеть? — продолжала Сфено гнуть свою линию. — Зачем всё усложнять?

— Как это — зачем? Для того чтобы повышать качество своей жизни. Свой быт. И не когда-то потом, когда я найду для этого себе красавицу писанную. Как Пандора. А уже здесь и сейчас, написав именно тебя таковой на полотнище нашего с тобой мира. В тех цветах, которые нам на настоящий момент уже доступны. Я уже устал от твоей гризайли. Превращающей тебя в гризли, — усмехнулся он. — Тем более что те, кто не хочет ничего усложнять, постепенно скатываются до образа жизни первобытных племен. Вся цивилизация, которую мы имеем в наличии, основана на сознательном усложнении своих взглядов на этот мир с последующим воплощением взглядов в конкретных действиях, закрепляя их как устойчивые навыки, и вещах, облегчающих и упрощающих наше взаимодействие с этим миром. Так что мы сознательно усложняем себя, свой способ самоорганизации только лишь для того, чтобы облегчить свой быт, повысив качество нашей жизни через нашу же эффективность. Отбрасывая всё лишнее. К чему я тебя тут только и веду. Обучая пользоваться своими же возможностями во всём их многообразии и полноте. А не тем набором навыков и способов существования, который в тебе уже есть. Заложенный в тебя, как программа, твоим предыдущим жизненным опытом. Который довел тебя до тюрьмы! И которым ты, по инерции, продолжаешь пользоваться. Считая его не просто вполне достаточным, но и самым правильным.

— А разве — нет?

— И это верно, — усмехнулся Алёша, — если учитывать тот эволюционный уровень, на котором ты находишься. Пытаясь и меня до него же опустить. До уровня первобытного человека. Учитывая твой быт. Для меня уже — довольно таки примитивный. Если учитывать то, что в тюрьму я даже не собираюсь. Ведь я уже давно понял, что к чему ты в жизни готовишься, туда ты и попадёшь. Чтобы вполне овладеть теми навыками, которым ты обучал себя до этого в теории. Тогда как я пытаюсь возвысить тебя на плато своей нормальности. И чем больше ты будешь этому сопротивляться, тем быстрее я потеряю к тебе интерес. Ведь твой опыт учит тебя взаимодействовать с низами общества, а мой — с верхами. Поэтому-то я и хочу, чтобы ты стала моей Принцессой. А это ты можешь сделать только перестав быть золушкой. Неужели это не очевидно?

— Блин. Неужели для тебя так сложно любить меня такой, какая я есть? Зачем всё так усложнять...

— Но дело в том, что тебя ещё и нет вовсе! — трагически усмехнулся Алёша.

— Как это — нет? — удивилась Сфено. — Вот же я! Пощупай!

— Ты внезапно возникла из хаоса в тот момент, когда я снова решил тебя задействовать, — брезгливо одернул он руку, — как некое бревно из тайги социального дебилизма. Для того чтобы сделать нас обоих действительно счастливыми. А не пассивно наслаждаться тем, что мы можем дать друг другу уже сейчас, довольствуясь крохами с барского стола любви. И твоя задача не упорствовать, что ты просто чурка, а начать реально отсекал от себя всё лишнее. Все те сучки ошибок и заблуждений, что мешают тебе чувствовать себя полноценным членом социума. Вбирая в себя всё самое лучшее, что этот мир только и может тебе предоставить для твоего душевно-телесного совершенства. Делая из себя настоящее произведение искусства быть. Тебя-настоящую! Понимаешь? Я хочу не просто произвести твой рефрейминг, — с блаженной улыбкой разошёлся Алёша, — то есть — изменить тебя лишь внешне, но полностью изменить тебя до неузнаваемости в глазах твоих близких. Переписать тебя заново! Изменив не

столько твоё тело, сколько твоё восприятие! Измени свою сущность. И ты обнаружишь себя удивительно прекрасной. Ты будешь просто поражена! Я знаю о чём говорю, потому что уже не раз с собой это проделывал. Как только осознавал, что снова падал до обывательского уровня.

— И что же такое этот твой хаос, в котором все мы, кроме тебя, по-твоему, пребываем? — усмехнулась она.

— Хаос есть непривычное расположение привычных вещей непривычным образом. Это его доступный тебе на данный момент образ. Но с тебя пока и этого хватит. Потому что даже космосом тебе сейчас кажется привычное расположение привычных для тебя вещей приемлемым для тебя образом. Как и для тех, кто находится на одном с тобой уровне восприятия. Который для меня уже является не только неприятным, но и безобразным. Особенно после того, как он обезобразил все мои попытки организовать своё бытие по законам космической любви. А не — животной. К которой вы все тут давно привыкли. Да настолько, что и бога сделали её заложником, — усмехнулся Алёша. Над собой. — Богом Любви. А не сострадания — к тем, кто от неё страдает. Беспорядочный хаос невозможен по определению. Так как материя адаптивно самоорганизуется. Что и является предпосылкой к эволюции — космосу. Но только является, — усмехнулся он, — подобно привидению. Не оказывая на таких, как ты, никакого воздействия. Поэтому деградировать можно лишь до уровня рефлексов и инстинктов. То есть — стать животным. Что в современных условиях цивилизации ты охотно и делаешь. Таким образом космос есть упорядоченное чётким планом целенаправленное движение к чёткой цели. А хаос есть движение без чёткой цели. Разрываемое шумами — промежуточными целями. Лишь сбивающими тебя с курса. То есть — стихийное движение. Поэтому я и хочу, чтобы ты как можно скорее взяла себя в руки. Перестав потакать твоим подружкам своим взаимодействием с тобой стихийно превращать тебя в животное.

— Ну, зачем ты всё так усложняешь? — вздохнула Сфено. — Неужели нельзя просто любить? Наслаждаясь друг другом.

— Я уже просто не могу этого делать, — вздохнул Алёша. — Потому что этим вопросом заведует моё тело. А для него это совсем не просто. Это вопрос передачи генофонда. И здесь его невозможно убедить доводами разума. Ему на них наплевать! Его можно только обмануть. Так что пока ты хотя бы не похудеешь, моё тело не сможет тебя идеализировать, надеясь на будущее. И значит, ни о какой ответной любви не сможет быть и речи. Своей инертностью и категорическим нежеланием ничего в себе менять ты не просто заставляешь себя страдать от неразделённой любви, но и не даешь мне даже надежды полюбить тебя. То есть, полюбить тебя в снятом виде. Так сказать, авансом. Или ты думаешь мне этого не хочется? Ведь ты даже не допускаешь, что хотя бы похудеешь. Не говоря уже ни о чём другом. Ты есть прежде всего то, что ты ешь. И пока ты не перестанешь есть животных, ты не сможешь перестать подражать их повадкам.

— Но если я не могу, — удивилась Сфено. — Зачем — врать?

— Я не заставляю тебя лгать, — поправил он её. — Но через это ты заставляешь меня наплевать на тебя и сама же вытесняешь себя из моей жизни. Невольно смешиваясь с окружающим тебя хаосом, — вспомнил он, как потерял Сирингу. — Если так и дальше будет продолжаться, то ты исчезнешь для меня столь же необъяснимо, как кролик — в цилиндре иллюзиониста!

— Так что ты от меня хочешь? — пробормотала она подавлено.

— Что бы ты стала идеальной!

— А ты не думал, что тогда на твоём месте окажется кто-нибудь покруче?!

— Именно этого я и хочу! — высокомерно усмехнулся в ответ Банан. Но Творец тут же прикусил ему язык. Возразив, что его тупая болтовня может привести изменение в ход эксперимента. Заставив её в противовес сознанию своей ненужности неприкаянно цепляться за него. Тогда как она, согласно сценарию, должна постепенно обретая самостоятельную сущ-

ность разочароваться в нём, как в более низкой социальной ступеньке и отторгнуть его ино-родное уже тело. Освободив стройплощадку своей социальной жизни от ненужного мусора. Его, уже лишь мешающего проведению её социальных реформ. Банан возразил, что эксперимент всё одно тухнет на месте. И нужен был какой-то катализатор. Что она всё та же, а ему все туже. И он уже устал иметь её — одну и ту же... Но Творец давно ушел за кулисы, разочарованно хлопнув дверью. И целые листы внутреннего монолога валялись у порога, разметаемы ветром времени.

— Ты действительно хочешь именно этого? — удивилась Сфено.

— Да. Я буду с тобой ровно до тех пор, пока ты будешь меня любить. Ведь если ты не изменишься, то ты очень быстро во мне разочаруешься. И у нас уже и не будет будущего. Ведь будущего нет, если оно не делается нами уже сейчас. Каждое текущее мгновение! Иначе мы лишь повторяем свое же прошлое. Всё глубже погружаясь в его архаику. Постепенно становясь — для другого — воплощением архаизма! Мы расстанемся только тогда, когда наш разрыв уже не сможет автоматически разорвать тебе и сердце. Как и мне, когда я внезапно расстался с Сириной. Ведь ты не хочешь — ради меня — даже худеть? — усмехнулся Банан, пряча язык от Творца. — Тогда почему наша связь должна меня унижать? Мне ведь хочется иметь красивую девушку, а не... то, что я вместо неё имею, — мысленно (вы бы сказали: масляно) усмехнулся Банан. — Если ты по-прежнему хочешь быть со мной, ты должна хотя бы изменить питание. А там, если ты не захочешь быть со мной и дальше, идя со мной рука об руку по дороге самосовершенствования, я не стану тебя удерживать. Ведь это было бы чистой воды насилием!

Но часто ли наступает это ветхое заветное там?

Это предотвратило готовый было хлынуть потоп возмущений, но обозлило её и озабычило.

Тем более что слово «насилие» всколыхнуло в ней первый опыт сексуальных отношений в кусты её пьяным кузеном, от которого они и шли. «Поздравившим» её с совершеннолетием игрой в кустах на рояле её тела своим «собачьим вальсом». И Банан, стебался, видя, как её повторно уколотое самолюбие рыло копытом землю, желая разорвать его, этого тореадора, готового, как выйдет её время, из самых гуманных воображений воткнуть рапиру ей в сердце.

После этого случая И.О. (исполняющая обязанности жены) стала ещё охотней проклинать своего недо-Зевса за то, что он, вообще, к ней заявился. Ей, мол, «так» было бы легче его забыть. Что она уже почти что выкинула его из головы. Как он снова в неё воткнулся. Естественно, менее совершенно — со своим «головняком». И снова замаячил у ней перед глазами, как маятник. Продолжив её гипнотизировать. И что пока ещё не может его бросить, мол, любит. Но непременно сделает это.

На что Алёша неизменно отвечал ей:

— Уровень твоей свободы обратно пропорционален глубине твоей лени. Помноженной на разницу наших пониманий того, что на самом деле тебе нужно.

— Ты со мной только для того чтобы на до мной издеваться? — упрекнула И.О., не разобрав на слух его чёткой формулы.

— С чего это ты так решила? — усмехнулся Алёша. — Ты слишком высокого о себе мнения. Любая моя мысль актуальна не только для тебя, но и — для каждого. Это универсальные формулы. Ты всего лишь даешь невольный повод им родиться. Я разговариваю с тобой лишь в частности, — усмехнулся он. — В основном же — с Вечностью. Как и любой философ. У которых я этому и научился.

— Фил-лософ, — презрительно усмехнулась И.О. — Что ты сегодня жрать-то будешь, свои книги?

— Книги — это десерт. Ты — моё первое и основное блюдо.

— На щи потянуло?

— Ага, с мяском! — подмигнул Алёша.

— Жри! Не обляпайся!

И навалилась на Алёшу всей своей массой. Пытаясь повысить свою самооценку. Показав ему то, на что она способна! Заставив его заниматься тем, чего он от нее, по её суеверному убеждению, больше всего и жа-ждал. Набрасывая (во время секса) для себя на её нелепый вид воздушную чадру своих теорий и словесного витийства. Не имеющих, по её мнению, с ней ничего общего.

В чем она, безусловно, была права. Не желая меняться.

Глава 12

Родители звали его на дачу, но Алёша лишь отговаривался необходимостью продажи по выходным привезённой им для Силена спортивной, так как документы были оформлены на него.

— Мое оружие — слово, а не дело! — усмехался Алёша, начиная спешно собираться в Пимплею. Пока приехавший за ним Силен допивал чай.

Да и не любил он работать лопатой. Такая работа, как надоевшая жена. Работаешь лишь бы быстрее кончить. Считая картофель самым грязным видом спорта.

Сказав жене, что с утра они поедут на авторынок, Силен отвёз жену к родителям.

И как только окончательно стемнело, они двинули из Пимплеи в поисках приключений.

Зайдя в бар соседней деревни, они сели за столик напротив друг друга. Чтобы удобнее было общаться. Рисуя на скатерти китайскими палочками карту военных действий. Готовясь к нападению менад.

— Тебе заказать пива? — спросил Силен у Банана.

— Зачем? — не понял тот.

— Для наживки, — подмигнул Силен.

И подозвал официантку.

— Что пьёте, мальчики? — тут же клюнула одна из менад, как только принесли пиво. И под села к Банану, желая выпить за его счёт.

— Пиво, — ответил Банан, вальяжно растягивая это сомнительное удовольствие.

— А ты? — спросил её Силен. Мол, что тебе заказывать?

— Я? — улыбнулась та. — Вообще-то, я люблю мартини.

— Но мы можем ограничиться и тем, что вы нам закажете, — слащаво улыбнулась её подружка, подсев к Силену.

— Но если вы хотите просто пообщаться, то мы можем разговаривать и без спиртного, — осадил их Силен.

— Да. Я могу почитать вам свои стихи, — улыбнулся Банан, сообразив, что те заглотили наживку и потянул леску. — Если честно, они опьяняют ещё сильнее.

— Что ж, давайте попробуем, — поняла одна из менад, что раздобыть у них спиртное будет не так-то просто.

— «Ядрёный подранок, вальсируя в гипсе,

Я вклинился сваей в гремучий квартал.

Истерично играясь нирваною дам

И имидж корёжа в наркозной улыбке.

Ревниво ободранной с ядерных рам.

Что были вначале лишь аркою зыбкой.»

— А покрасивее ничего нет? — скривила губы та, что сидела возле него.

— А то какой-то самоанализ в стихах, а не поэзия, — подтвердила её подружка.

— Ну, да. Время для этого стиха ещё не наступило. Покрасивее хотите? — почесал он затылок.

— Желательно.

— «Ледяное серебро

Расцвело в мороз!

Кристаллами замерзших роз

Сверканье взвихрено!

Как в ад — во мрак,

Сойдём под мост.
Забьём в косяк
Экстазы грёз
В рукоплесканы света!
Мрак разобьётся в чаде гроз,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.